

ЧАРЛИ *Вил*

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ВЕРНУТЬ *Семью* ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Чарли Ви

Вернуть семью любой ценой

<https://litres.ru/74469049>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Кто отец? – спросил бывший муж, глядя на мою дочь.
- Какая тебе разница, Одинцов?
- Не думал, что ты так быстро мне замену найдёшь.

Я даже опешила от его вопроса. Почему-то была уверена, что всё очевидно. Дочке год, в разводе мы два года. И его подозрение даже обижает.

– Неужели я похожа на женщину, которая готова лечь под другого сразу после развода? – парирую я, с удовольствием отмечая, как вытянулось его лицо.

Я ушла от него из-за измены. Потребовала развод, потому что устала делить с другой.

Два года тишины. Два года новой жизни. И вот он стоит передо мной и пристально изучает малышку на моих руках.

Раньше надо было думать, Одинцов, раньше.

Первая бесплатная часть "Развод. Цена моей свободы" здесь

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	68
Глава 14	73
Глава 15	78
Глава 16	83
Глава 17	88
Глава 18	93
Гл	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Чарли Ви Вернуть семью любой ценой

Глава 1

Торговый центр был моим личным адом особенно по субботам.

Белый шум из гула голосов, музыка из бутиков, визг детей и гудки игрушечного паровозика – всё это сливалось в один оглушительный поток, но деваться было некуда – нужны были новые ботиночки для Маши. Дочка росла не по дням, а по часам.

Маша. Моя непоседа. В год и два месяца она была гибридом электровеника и урагана.

Сидеть на руках? Ни за что.

Недавно открыв для себя магию прямохождения, она мчалась по миру с упорством первооткрывателя. Мне оставалось только успевать ловить её, вовремя подхватывать на руки и не давать упасть.

«Мама, дай!» – её любимая фраза.

Дай потрогать, дай поднять, дай залезть. Она и ползать-то

начала в пять месяцев, словно торопилась жить.

А в семь – первый полёт. С дивана.

Я отвернулась на секунду – за пустышкой. Грохот. Пронзительный плач. И моё сердце, разорвавшееся на тысячу осколков.

Тот полёт стоил нам двух недель в больнице и диагноза «черепно-мозговая травма». До сих пор стоим на учёте у нейрохирурга, и каждый её новый синяк или шишка – это тихий ужас, сжимающий мне горло.

А шишек было много. Она умудрилась вылезти из ходунков вниз головой, приземлившись на макушку.

Пряталась в шкафу и засыпала там, пока я, обезумев, обыскивала каждый угол нашей квартиры. Она была как Маша из мультика про «Машу и Медведя» – непредсказуемая, шустрая и невероятно энергичная. Вот только в реальной жизни у меня не было разумного Медведя, который всегда мог бы прийти на помощь. Была только я. Одна.

Я поставила её рядом с собой, придерживая за капюшон курточки, и стала рыться в сумке, пытаюсь нащупать телефон, чтобы расплатиться за кофе. А он мне нужен был как воздух. Просто на секунду отвлечься, найти деньги...

– Маш?..

Опустила взгляд. Рядом никого. Сердце упало, потом взлетело в горло и забилось там, как перепуганная птица.

– Маша!

Голос сорвался. Вращая головой, я сканировала взглядом

толпу. И увидела.

Вдалеке, у фонтана, её знакомую розовую куртку. Она бежала, смеясь, за тем самым игрушечным паровозиком, который катал детей по центру зала. Её маленькие ножки неумело, но быстро перебирали по блестящему полу.

– Маша! Стой! – закричала я, пускаясь вдогонку, расталкивая людей.

Паника, холодная и липкая, заливала всё внутри. *Господи, только бы не упала, только бы не ударилась головой...*

Я мчалась, не чувствуя ног, и тут увидела новую опасность. Сбоку, из-за угла игровой зоны, неслась детская машинка на аккумуляторе. За рулём – мальчик лет пяти с сосредоточенным лицом гонщика. Он нёсся прямо на Машу, не видя её.

Я поняла, что не успею. Расстояние было слишком велико.

– Маша! – я закричала, она обернулась. Всё замедлилось.

Я видела, как к моей дочке стремительно приближается машинка.

И вдруг – тень. Большая, стремительная. Кто-то резко шагнул из толпы, на ходу наклонился и подхватил Машу прямо с пола за капюшон, подняв её в воздух, как пёрышко. Машинка с рёвом пронеслась в сантиметре от них.

Всё произошло за секунду. Я стояла, не в силах пошевелиться, всё ещё чувствуя отголоски паники внутри себя, в коленях появилась дрожь.

Маша, не понимая ничего, заливисто смеялась на руках у незнакомца, воспринимая всё как новую забавную игру.

– Спасибо вам огромное! – выдохнула я, подбегая и протягивая руки, чтобы забрать дочь. – Я на секунду отвернулась, а она...

Мужчина развернулся, чтобы передать мне Машу.

Время будто замерло, звуки исчезли.

Передо мной стоял он. Те самые карие глаза, что снились мне по ночам. Тот самый жёсткий овал лица.

Только теперь в его взгляде, помимо привычной стали, читался шок, не меньший, чем мой.

– Вика, – произнёс Максим тихо.

Я не могла дышать. Не могла пошевелиться. Просто стояла и смотрела, как моя дочка, моя тайна, беззаботно играет воротником дорогого пальто своего отца.

Глава 2

– У тебя дочь? – первое, что он спросил. Его взгляд метнулся с моего лица на лицо Машеньки. А дочь, нисколько не растерявшись, посмотрела ему в глаза. Ладонью провела Максиму по щеке. Тут же отдернула и затрясла, уколовшись о его щетину.

– Да, дочь. – я протянула руки, чтобы забрать её, но Максим подался вперёд. Я растерялась от такой наглости.

– Сколько ей? – последовал следующий вопрос. Он смотрел мне в глаза так пристально, будто хотел просканировать мой мозг в поисках ответов на его вопросы.

– Год, – коротко ответила я, снова протягивая руки. – Одинцов, отдай мне ребёнка!

Максим снова посмотрел на Машу, она улыбнулась ему своей улыбкой с четырьмя зубами. Что-то залепетала. Я видела, как она рассматривает её. Понимала, что если сейчас же не заберу её, то он обо всём догадается. Хоть у Маши и были глаза голубые, как у меня, в остальном она была очень похожа на Максима. Такие же чёрные волосы, красивый изгиб губ. Она даже хмурилась как он.

– Тебя как зовут? – обратился он к моей дочке.

– Мася...ы...мама, – дочь ткнула в меня пальчиком и довольнo улыбнулась, снова повторив. – Мама.

Как я её учила.

– Какое красивое имя Маша. А меня Максим зовут.

Не знаю, поняла ли она его или нет, внимания у неё пока хватало только на поддержание беседы минуты две. Вот и сейчас она уже смотрела куда-то вбок, тыча пальчиком вперёд.

– Шарик воздушный хочешь? – спросил Максим, сразу поняв её желание.

– Одинцов! Ребёнка мне отдай. Это моя дочь.

– Не кипятись, отдам, – последовал ответ, и они направились к лавочке со сладостями, где над прилавком парили гроздь шаров.

Я скрестила руки на груди. Нисколько не радуясь нашей встрече.

Он появился совершенно не вовремя. И как теперь сбежать от него?

Довольная Маша уже прыгала с шариком, дёргая его резко на себя и заливаясь звонким смехом.

– Кто отец? – спросил Максим, поднимая на меня свои тёмные глаза с расширившимися зрачками.

Я даже опешила от его вопроса. Почему-то была уверена, что всё очевидно. Дочке год, в разводе мы два года.

По его лицу было видно, что он пытается подсчитать.

Но расчёты вряд ли бы ему помогли узнать правду. Ведь только я знаю и мой врач, что Маша родиться не хотела ни в какую.

Все назначенные сроки родов благополучно просидела в животе у мамы.

И когда по подсчётам пришла сорок вторая неделя, мне назначили принудительные роды.

– Не думал, что ты так быстро мне замену найдёшь, – похоже, расчёты прошли, как я и ожидала – безуспешно. А в голосе Максим даже обида слышалась.

Неужели он ребёнка хотел? Когда я уходила от него, он свою любовницу спокойно, без переживаний на чистку отправил, лишь бы от ребёнка избавиться.

Тогда мне это показалось таким бесчеловечным решением. Да, я была не рада Арине, мне не нравилось делить мужа с другой женщиной. Но когда я узнала о её беременности, поняла, что не готова бороться с ней и её ребёнком. Не готова жить с человеком, который без зазрений совести распоряжается чужими жизнями так легко.

Стоило только вспомнить события двухлетней давности и в мозги сразу встали на место.

– Машенька, иди ко мне, – я позвала дочь, и она торопливо заковыляла ко мне. Я даже выдохнула, только сейчас осознав, что почти не дышала.

– А муж где? – продолжал расспросы Одинцов, пока яправляла платице на дочке.

– Какая тебе разница, Максим? Спасибо за помощь, и на этом всё. Мы торопимся.

Я подхватила Машу и уже развернулась, чтобы рвануть

подальше от своего нелёгкого прошлого, как в спину прилетело.

– Или это моя дочь?

Я закрыла глаза, мысленно молясь о том, чтобы хватило сил пережить нашу встречу. Развернулась и, бросив на Максима короткий взгляд, ответила.

– Неужели я похожа на человека, который легко сходится с людьми?

Максим выпрямился, опустил голову, покачал головой, будто проверяя реальность это, или нет.

Мне было знакомо это чувство, я так же приняла новость о беременности, когда врач сообщила, что внутри меня растёт плод. Семечко, которое посадил в меня Максим.

Я тогда даже рассмеялась от того, как бывает иронична жизнь. Максиму нужен был ребёнок, он и сексом занимался со мной только ради этого. А в остальное время уезжал к своей любовнице, но я не беременела. Но как только я приняла решение уйти от него, во мне зародилась маленькая жизнь.

Превратности судьбы или закон подлости. Называйте как хотите.

Максим выдохнул, поднял голову.

– Почему не сказала? – спросил он тихо, я с трудом разобрала смысл сквозь шум торгового центра.

– А зачем?

– Я ведь отец. Я должен был быть рядом.

– Зачем тебе ребёнок Максим? От одного ты избавился,

а специально бежать к тебе и сообщать, что у нас будет малыш... Это было глупо. Разве нет?

– Нет, Вика! Это было бы правильно. Хотя бы сообщить, написать.

– Ты и так был слишком занят своими проблемами. Я всего лишь лишила тебя ещё одной.

– Максим, я тебя потеряла. Что ты тут делаешь? – раздался женский голос, который я надеялась больше никогда не услышать. Но к сожалению, желания редко исполняются. Вот и сейчас из-за спины Максима появилась

Арина. Ещё красивее, чем была, в чёрной блестящей шубе, с кукольной внешностью, будто её только что сделали на заводе.

– Вика? – брови куклы взлетели вверх, пухлые губы изогнулись буквой «о».

Я не удостоила её ответом, только посмотрела на Максима в последний раз.

– Прощай, Одинцов! Надеюсь, больше не встретимся. Развернулась и зашагала подальше от этой неприятной парочки, которая всколыхнула старую боль.

Глава 3

Я застыл, будто вкопанный, провожая взглядом удаляющуюся спину Вики. Ещё секунда и она растворится в толпе, надо что-то делать. Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Но не успел сделать и нескольких шагов.

– Максим, хватит смотреть ей вслед! – резкий голос Арины вернул меня к действительности. Она недовольно дёрнула меня за рукав. – Я здесь, с тобой! Мог бы и постыдиться при всех так глазеть на бывшую! ещё и с ребёнком.

Я резко отстранил её руку, сквозь зубы бросил:

– Заткнись! Твоё мнение меня не интересует!

Сделав несколько стремительных шагов вперёд, я отчаянно вглядывался в мелькающие лица, но Вики нигде не было. Она исчезла, словно призрак. Снова исчезла.

Как ей постоянно удаётся так ловко скрываться? Два года я нанимал лучших детективов, просматривал тонны отчётов – и всё впустую. А она просто растворилась в толпе, будто её и не было. Как и тогда, два года назад.

Снова упустил. Снова потерял её. И... мою дочь.

По рукам пробежали мурашки. Чёрт возьми... У меня есть дочь. Машенька. Малышка с бездонными голубыми глазами. До сих пор чувствую в ладонях её тепло, помню, какая она лёгкая, словно пушинка. И этот ни с чем не сравнимый запах

– смесь детства и тонкого аромата духов Вики, который я узнаю из тысячи.

А если они исчезнут навсегда?

– Максим, мы едем? – надоедливый голос Арины снова вывел меня из раздумий. – Я ещё хотела заскочить в бутик за подарком. Ты же не забыл, что нам к Майоровым нужно?

Я глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Да, приём у Майоровых. День рождения Арсения. Пропустить это событие – значит проявить неуважение к партнёру.

По пути к машине Арина без умолку болтала о чём-то своём, но её слова пролетали мимо моих ушей. Мозг лихорадочно работал: как найти Вику? Нужно срочно получить записи с камер наблюдения торгового центра. Выяснить, что она покупала. Если расплачивалась картой – появится зацепка. А если нет? Тогда камеры наружного обзора. Сейчас же можно отследить любого человека. Только два года назад это не получилось.

Мы подъехали к особняку Майоровых. Сразу видно – деньги есть. Ухоженная территория, швейцар у входа.

Арина тут же начала поправлять причёску, а я не мог выбросить из головы Вику и ребёнка.

В холле играла живая музыка, пахло дорогими духами и закусками. Гости разбились на группы, ведя светские беседы с бокалами в руках.

Нас встретил сам Арсений Майоров – сорокалетний сердцеед с репутацией наглеца. Высокий, спортивный, с лицом

с обложки. Стоял с ненужной тростью – чистый пижонский жест. В руке – бокал шампанского.

Сначала он казался самовлюблённым типом, но за два года партнёрства я узнал другого Арсения – человека с принципами, держащего слово. На него можно положиться в трудной ситуации.

Рядом стояла его жена Мила – утончённая брюнетка в изумрудном платье. Её улыбка была тёплой, но сохраняла дистанцию. Заметив нас, она чуть шире улыбнулась.

– Максим, Арина, – Арсений шагнул навстречу. – Рад, что выбрались.

Поприветствовал нас. Арина умчалась к кружку таких же трещоток, как и она. Я отошёл в тень, в надежде, что через час смогу незаметно уйти, соблюдая правила приличия.

Время тянулось с издевательской медлительностью. Я стоял посреди зала, смех, шутки, вино льётся рекой, а я не переставал думать о Вике. Каждый идиотский смех, каждый звон хрусталя бил по нервам. Взгляд снова наткнулся на циферблат. До закрытия торгового центра – час. Если свалю сейчас – успею. Надо было уже ехать, а не торчать здесь.

В голове стучало одно: Вика. Темноволосая девочка – моя дочь. Разве у такого, как я может быть такое прекрасное создание? Я всё никак не мог осознать. И каждый раз, когда вспоминал, как она сидела у меня на руках, наружу улыбка глупая лезла.

Два года поисков, горы денег, выброшенных на детекти-

вов-неудачников – ноль. А она появилась на секунду, огорчила новостью и снова исчезла. Чёрт возьми.

– Что-то ты сегодня не в себе, друг.

Я оторвался от часов. Арсений. Мы познакомились два года назад. Он мне помог тогда, вложил в мой проект, по строительству моста. И я смог выкупить свои акции у старого козла, Николая Витальевича, дяди Вики. А потом, когда он лишился власти надо мной, я методично и с холодной расчётливостью уничтожил его. Это была моя месть за Вику, за себя, за наш неудавшийся брак, за те унижения, которым он подверг её.

Месть удалась на славу. Денег ему теперь хватает только на коммунальные и лекарства от давления. И всё же удовлетворения не было.

Я молча покачал головой в ответ Арсу, не хотел вдаваться в подробности своей богатой личной жизни.

– Брось, – он хлопнул меня по плечу. – Или уже не доверяешь?

В его тоне не было назойливой жалости. Только деловой интерес. Это я в нём всегда уважал.

– Встретил сегодня бывшую жену, – выдавил я, стиснув зубы. – Оказалось, у меня есть дочь.

Арсений замер. Его обычная насмешливая маска на мгновение сползла, за которой появилось его настоящее серьёзное лицо.

– Точно твоя? Может, просто...

– Моя, – не дал договорить ему. ДАже мысли не допускал теперь, что не моя. Вика ясно дала понять. ДА и не в её характере врать. Это не Арина, которая соврёт и не моргнёт.

– Неужели до сих пор любишь её? – спросил он.

– Похоже на то, – ответил я резко. – Но теперь не знаю, где её чёрт возьми, искать. Снова исчезла. Есть пара идей, но не уверен, что сработает.

Арсений кивнул, его взгляд стал острым, оценивающим.

– Ясно. У меня есть знакомый следователь, профессионал. Могу его подключить. Всё будет тихо и чётко. Он найдёт.

– Было бы неплохо. Только я уже искал её с помощью профессионалов.

– Поверь. Этот найдёт.

Глава 4

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим стуком в висках. Я почти бежала по бесконечным коридорам торгового центра, крепко прижимая к себе Машу, которая хныкала, недовольная резкой сменой обстановки.

«Тише, солнышко, тише, всё хорошо», – бормотала я, сама не веря своим словам. Каждый нерв был натянут струной. Я ждала, что сзади раздадутся его шаги, что тяжёлая рука ляжет мне на плечо.

Вот, наконец, стеклянные двери. Я резко выскочила на прохладный вечерний воздух и, не сбавляя темпа, почти бегом пересекла парковку. Руки дрожали, когда я нажимала на кнопку ключа. Пронзительный писк сигнализации прозвучал как спасение.

– Всё, детка, всё, сейчас поедem, – усадила Машу в детское кресло на заднем сиденье, пальцы плохо слушались, запынаясь о ремни. Сама рухнула на водительское место, резко захлопнула дверь и на секунду закрыла глаза, пытаясь перевести дух. Так. Глубокий вдох. Выдох.

Завела машину и выехала с парковки, жадно вглядываясь в зеркало заднего вида. Никто не преследовал. Никаких тёмных внедорожников, которые он всегда предпочитал.

Я выдохнула, но напряжение не отпускало. Старая привычка, выученная за два года жизни в бегах. Я сделала боль-

шой крюк, проехала по незнакомым улицам спального района, свернула в случайный двор и, только убедившись в полном отсутствии хвоста, наконец-то направилась к своему новому, временному пристанищу.

Глупость. Возвращаться сюда было верхом глупости. Но я и так отложила свой план слишком надолго.

Сначала беременность, с её бесконечными страхами преследования и ужасным токсикозом практически на все запахи.

Потом – роды, первые, мучительные. Шестнадцать часов со схватками. Потом первые самые трудные месяцы с Машей, когда не было сил ни на что, кроме неё.

Я была одна, когда она плакала, когда болел животик и резались зубки. Меня никто не мог подменить и дать выспаться хоть разок. Это было сложно. Очень.

Но я ни на день не забывала свой план мести дяде, тому самому, который довёл моих родителей до могилы и чуть не сломал меня. Теперь пришло время его реализовать.

И тут такой сюрприз. Ирония судьбы – я вернулась в родной город, и в первую же неделю, в самом обычном торговом центре, наткнулась на него. На Максима.

Это было невероятно.

Я сделала всё, чтобы меня нельзя было найти. Уехала в другой город. Деньги от развода я не тратила на недвижимость – только на аренду, всегда краткосрочную, всегда в разных концах города.

Я сменила имя и фамилию. Когда у тебя есть средства, это не проблема.

Я стала другой женщиной, с другой историей.

И всё равно он появился. Словно призрак из прошлого, которое я так старалась похоронить.

Я загнала машину в арку своего дома, погасила фары и сидела несколько минут, прислушиваясь к ровному дыханию заснувшей на заднем сиденье Маши.

Тишина. Погони не было. Но чувство тревоги не исчезло.

Третий этаж без лифта дался нелегко. Маша, сражённая впечатлениями, дремала у меня на плече, тяжелея с каждой ступенькой. Я, запыхавшись, наконец-то вставила ключ в замочную скважину и с облегчением переступила порог нашей съёмной берлоги.

Отнесла дочку в её комнатку, бережно сняла курточку и уложила в кроватку. Она всхлипнула во сне, перевернулась на бочок и снова затихла.

Да, день выдался богатым на события. Слишком богатым.

Сбросив на диван неудобные уличные джинсы, я натянула старый растянутый свитер – свою домашнюю униформу. Тело гудело от усталости, но мысли лихорадочно метались.

Нужен был кофе. Обжигающий, крепкий, чтобы прочистить мысли.

Пошла на кухню, сделала себе кофе и с кружкой в руках подошла к окну.

За ним раскинулся унылый осенний двор: голые ветки де-

ревьев, промокшие скамейки, лужи, в которых тускло отражался свет фонарей.

Тоска. Та самая, что сжимала горло и нашёптывала: «Собирай вещи. Бери дочь и беги. Пока не поздно».

Но бежать было уже нельзя. Завтра утром – встреча с тётей Ирой. Женой дяди.

Я никогда не забуду его признание, что это из-за него погибли мои родители.

На установку контакта с тётей Ирой ушли месяцы. Она до смерти боялась мужа, и её страх сквозил в каждом тихом слове, в каждой паузе нашего телефонного разговора.

Но без неё мой план – пустой звук.

Она – единственная, у кого есть доступ к его бумагам, к его компьютеру, к его грязным секретам.

А отомстить за маму, за папу, за наши сломанные жизни я поклялась ещё два года назад, когда узнала обо всём. Эта клятва была единственным, что грело меня последние годы.

Надо проверить, не написала ли она. Не отменила ли встречу. Она обещала сама написать место встречи и время.

Я поставила кружку и привычным жестом потянулась туда, где всегда лежал телефон. На столе – пусто. Странно.

Я провела рукой по столу, заглянула за часы. Ничего.

«Наверное, в сумочке», – мелькнула мысль.

Я прошла в прихожую, вытряхнула содержимое сумки на табурет.

Ключи, кошелёк, влажные салфетки, пачка сухариков для

Маши. Телефона нет.

Холодок скользнул по спине, но я не сдавалась. Ощупала карманы куртки, висевшей на вешалке. Пусто.

Может, выронила в машине?

Спускаясь по лестнице, я уже почти бежала. Открыла машину, обыскала сиденье, бардачок, пространство под ногами. Ничего. Только крошки от печенья и забытая соска Маши.

Яркая, как удар молнии, картина вспыхнула в памяти: я кладу телефон на стойку у кофейни, чтобы достать из сумки кошелёк. Потом – крик, паника, погоня за Машей... Максим...

Я застыла у машины, вцепившись пальцами в холодный металл крыши. Телефон. Он остался там.

И теперь кто-то мог его взять.

А вместе с ним – все мои контакты, все мои тайны.

И единственный номер, который мог привести меня к тётё Ире.

Чёрт! Я должна вернуться! Может, его ещё не забрали.

Глава 5

Не раздумывая ни секунды, как была в старом растянутом свитере, пижамных штанах и на босу ногу, всунутой в балетки, я запрыгнула в машину, вжала педаль газа и рванула с места, оглашая двор визгом шин.

Сердце бешено колотилось, пока я мчалась по улицам.

«Господи, только бы он был там... Только бы его никто не забрал...» – эта мысль стучала в такт тревожному стуку в висках. Но её тут же сменяла другая, леденящая душу:

«Маша... А если проснётся? Она обязательно расплатится... И это не самое страшное. Зная её характер, я была уверена, что нарыдавшись, она будет искать способ выбраться из кровати».

В воображении тут же вспыхнула яркая, ужасающая картинка: маленькое тело падает на пол, тихий удар, пронзительный плач...

Меня чуть не вырвало от страха. Но развернуться посреди трассы было уже нельзя. Оставалось только давить на газ.

Счёт шёл на минуты.

Пятнадцать минут пути показались вечностью. Я влетела на почти пустую парковку, бросила машину у входа и, не обращая внимания на удивлённые взгляды редких прохожих, помчалась внутрь торгового центра.

Кофейня работала, но за стойкой никого не было. На прилавке, где я оставила телефон, лежала лишь липкая лужица от пролитого сиропа.

– Кто-нибудь есть?! – голос сорвался, дрожа от отчаяния.

В ответ – тишина. Я вцепилась пальцами в стойку, мечась взглядом, и упёрлась взглядом в табличку.

«Перерыв 15 минут», – гласила она.

Бежать к охране?

В голове пронеслось: «Охрана! Камеры!» Но это означало бумаги, ожидание, долгие объяснения.

Время, которого у меня не было. Каждая секунда отсрочки – это риск застать свою дочь именно так, как и рисовала моя фантазия.

«Всё, надо ехать домой. Дочь важнее», – смирилась я про себя, разворачиваясь, чтобы бежать обратно к машине.

И в этот момент из служебной двери вышел молодой бариста, поправляя фартук.

– Вам что-то? – лениво бросил он, окидывая меня с ног до головы беглым, слегка брезгливым взглядом.

Я почувствовала, как горят щёки. Да, между ухоженной женщиной в дорогом пальто, которая была здесь днём, и этой растрёпанной, испуганной особой в пижамных штанах и без макияжа лежала пропасть.

– Я... Я несколько часов назад забыла здесь телефон! – слова вылетали пулемётной очередью, спотыкаясь друг о друга. – Положила на стойку, когда кошелёк доставала...

Он пожал плечами, демонстративно протерев тряпкой стойку.

– Не видел. Народу много. Можете описать?

Я торопливо, сбивчиво, почти запинаясь, описала модель и чехол. В его глазах читалось явное недоверие. Он, конечно, не узнал во мне ту самую клиентку.

– Так телефон у вас? – спросил я с мольбой и надеждой в голосе.

– Да, один лежал без присмотра, я его убрал, – признался он. – Теперь докажите, что он ваш.

Я торопливо, сбивчиво описала модель и чехол. В глазах парня всё равно читалось недоверие.

Отчаяние подкатило к горлу. Я готова была расплакаться.

– На заставке... маленькая девочка! Моя дочь! – почти выкрикнула я. И тут же осенило. – Он же на блокировке! Вы мне дайте его, если мой отпечаток подойдёт, значит, мой! Разве нет? Это же стопроцентное доказательство!

Парень на секунду задумался, затем, с неохотой, полез под стойку и достал мой телефон. Руки у меня так дрожали, что я едва не уронила его. Я схватила аппарат, приложила палец – экран ярко вспыхнул, открывая домашний экран с фото

смеющейся Маши.

– Видите? Мой! – я выдохнула с таким облегчением, в коленях от напряжения появилась слабость. Ощущение было такое, будто вернули кусочек моей жизни, мой единственный шанс на месть. – Спасибо вам огромное! Дайте, пожалуйста, ваш номер, я хочу вас отблагодарить.

Бариста с некоторым удивлением назвал свой номер. Я быстрыми движениями перевела ему тысячу – на это было не жалко. За то, что придержал у себя, за то что вообще отдал, ведь мог и прикинуться, что не видел. А мой телефон стоит около пятидесяти тысяч.

Его лицо тут же просияло.

– Ого! Да не за что! Обращайтесь! – он уже улыбался во весь рот от такой щедрости.

Я сунула телефон в карман, развернулась, чтобы бежать, и с размаху врезалась в чью-то широкую, мощную грудь. Я отшатнулась, подняла глаза и обомлела.

Передо мной стоял Максим.

В глазах потемнело, в ушах раздался тихий звон. Паника, холодная и тошнотворная, затопила меня с головой.

– Ты что, преследуешь меня?! – почти с истерикой вскрикнула я, отступая на шаг.

Он не шелохнулся. Его взгляд был тяжёлым и пронизывающим.

– Приходится, – тихо произнёс он. – Ты ведь сбежала. И ни черта не объяснила.

Глава 6

Я отпрянула от него, сердце заколотилось с новой силой. Его фигура, высокая и незыблемая, казалось, поглощала всё пространство вокруг. Воздух стал густым и тяжёлым, им было невозможно дышать.

– Отстань от меня, Максим, – выдавила я. – Мне нужно домой. Сейчас же.

Попыталась резко обойти его, но он легко преградил мне путь, не делая ни одного резкого движения. Его спокойствие выводило из себя больше, чем крик.

Его рука с железной хваткой легла мне на предплечье, останавливая меня, будто я была куклой. И это ещё сильнее разозлило.

– Куда ты? Мы не закончили.

Он нисколько не изменился, привык решать всё силой. Учитывать только свои желания.

– Пусти! – я попыталась вырваться, но его пальцы лишь сильнее впились в мою руку. – У меня нет времени на твои игры, Максим! Маша одна дома! Если она проснётся, она может упасть!

В его глазах мелькнуло тревога, но руку он не отпустил.

– Значит, где-то рядом живёшь. Уже кое-что. Где, Вика? Это было уже слишком. Страх за ребёнка пересилил все

остальные чувства, превратив отчаяние в ярость.

– Какая тебе разница?! У тебя была твоя Арина! Ты прекрасно жил всё это время без меня и без ребёнка. Так что отстань от нас! – я изо всех сил дёрнулась, и на этот раз он отпустил мою руку, но шагнул вперёд, отрезая путь к отступлению.

– Ну да, спокойно жил. И знаешь почему? Потому что ты сбежала и даже не сказала ничего о беременности, – он искал губы в подобии улыбки. – Я ведь даже о существовании её даже не подозревал? Ты лишила меня права знать о ней, Вика. Ты украла у меня дочь.

Его слова ударили с неожиданной жёсткостью, но я была не готова так легко сдаваться, хотя понимала, что ситуация патовая. Он просто так не отстанет.

Ну зачем ты ему намекнула, что это его дочь? Проблем тебе мало? – ругал меня внутренний голос, вызывая во мне смесь злости и раздражения.

– Ты сам всё просрал, Одинцов! Своими изменами, своим равнодушием! Ты думал, я рожу тебе ребёнка, чтобы ты его дядьке моему отдал? Думал, я ничего не знаю о вашем договоре? Или, может, я должна была ждать твоего решения оставлять ребёнка или нет? Ты же у нас вершитель судеб. Богом себя возомнил, который решил кому жить, а кому нет. Кого любить, а кого послать. Сегодня тебе Арина интересна, завтра я, а послезавтра кто? Нет уж, Одинцов. Я защищала дочь тогда, защищаю и сейчас. И в том, что ты остался без

Маши, виноват в этом только ты!

Не знаю, откуда во мне взялись эти силы. Я наступала на Одинцова, тыча указательным пальцем ему в грудь. И, о чудо, Одинцов дрогнул. Шагнул назад.

Я увидела, как он сжал челюсти. Кажется, своими словами я попала в цель.

– Это совсем другая история, – сквозь зубы процедил он.

– Для меня – нет! – парировала я. – А теперь отойди. Я должна ехать к дочери. Она дома одна, спит. И если проснётся, то может выпасть из кровати.

Я снова попыталась пройти, но он снова преградил путь, его тело стало непроходимой стеной.

– Я отвезу тебя.

В его тоне не было просьбы. Это был приказ.

– Ни за что! – прошипела я. – Я сама.

– Либо я везу тебя, и мы по дороге поговорим, – его голос стал ещё тише, но от этого ещё более опасным, – либо я звоню своему юристу прямо сейчас и начинаю процесс по установлению отцовства и определению порядка общения. Выбирай.

Юрист. Установление отцовства. Судебные тяжбы. В моём воображении тут же вспыхнули кошмарные картины: допросы, опека, его адвокаты против моей одинокой фигуры, его деньги против моей правды. И самое страшное – он реально мог забрать у меня Машу. На время или навсегда. Неважно.

Он мог, я это знала. С его ресурсами всё было возможно. В горле встал ком. Я чувствовала, как кровь отлила от лица. Все мои доводы, вся ярость разбились об эту холодную, железную реальность. Он не шутил. В его глазах я читала решимость, подкреплённую годами власти и привычкой добиваться своего любой ценой.

Я ненавидела его в тот момент. Ненавидела всей душой за этот унижительный ультиматум. За то, что манипулировал мной, зная, как я переживаю за дочь. Сволочь!

Но как бы я его сейчас ни обзывала и не называл, страх за дочь был сильнее.

– Ты мерзавец, – выдохнула я, прищуривая глаза, пытаюсь вложить в свой взгляд всю ненависть, чтобы он захлебнулся от своей власти. – Хорошо. Вези. Но только до дома и только на моей машине.

Торжество безжалостно промелькнуло в его взгляде. Он кивнул и жестом указал в сторону выхода, его движения вновь обрели ту властную плавность, хищную грацию, которая всегда была присуща ему.

Как? Как я могла даже на секунду подумать, что он мог измениться и мог стать нормальным? Он никогда таким не станет. Это была просто игра, чтобы запутать меня. Сейчас же в нём я увидела ту же властность и безжалостность, с которой он насиловал меня в первые дни нашего брака, когда издевался и не выпускал.

Стало так мерзко и гадко.

– Нет, Вика, мы поедem на моей. А твою пригонят попозже.

Даже здесь он не захотел уступить.

Я сделала глубокий вдох, на секунду закрыла глаза, чтобы успокоиться. Эмоции в такой ситуации не самый лучший помощник. Может, пока мы будем идти, мне удастся улизнуть. Но он, словно прочитав мои мысли, обхватил своей ручищей моё предплечье.

– Ты тянешь время. А дома Маша. Не забывай.

Я метнула на него короткий ненавидящий взгляд и направилась вместе с ним к выходу.

Мы шли по пустеющему торговому центру, и я чувствовала его взгляд на себе, тяжёлый и пристальный. Я сжимала в кармане телефон, словно он был моим единственным талисманом.

В голове крутилась одна мысль: «Надо что-то придумать».

Мы подошли к его машине, он открыл передо мной пассажирскую дверь. Я молча забралась внутрь, в просторный, пахнувший кожей и его дорогим парфюмом салон.

Этот запах был частью моего прошлого, того, от чего я бежала. И вот я снова здесь, в этой роскошной клетке, в которую теперь может попасть и моя дочь.

Максим сел за руль, завёл двигатель. Машина тронулась с места почти бесшумно.

– Адрес, – коротко бросил он, не глядя на меня.

Я назвала улицу и номер дома, стиснув зубы. Он ввёл дан-

ные в навигатор. Воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом мотора. Я смотрела в боковое окно на мелькающие огни, пытаюсь собраться с мыслями, выработать хоть какую-то стратегию. Но мозг отказывался работать, выдавая лишь обрывки панических фраз: «Он знает, где мы живём... Что теперь делать? Бежать? Снова?»

– Почему ты не сказала? – его голос, тихий и жёсткий, разорвал тишину.

Я не повернулась к нему, продолжая смотреть в окно.

– Ты получил мой ответ. В торговом центре. Ты не заслуживал ничего другого.

Глава 7

– Это не ответ, Вика. Это детский лепет, – наконец произнёс он, не сводя глаз с дороги. Его голос был низким, со стальным отливом, раздражал меня тем, что кроме его мнения, не существовало ни чьего другого. – Ты поступила как трусливый, мстительный ребёнок. Взрослые люди разговаривают.

Я резко повернулась к нему, больше не в силах сдерживаться.

– Взрослые? – фыркнула я. – Взрослые не спят на стороне, пока их жена верит в счастливый брак! Взрослые не договариваются с подонками вроде моего дяди о том, чтобы сдать им в уплату долга будущего ребёнка, не считаясь с мнением жены.

Он резко прибавил газу, машина резко рванула вперёд. Его челюсть напряглась.

– Я никогда не отдал бы тебя ему, – его слова прозвучали тихо, почти неслышно, как у него только получалось так сдерживать себя, мне сейчас хотелось его разорвать. – Никогда. И уж тем более ребёнка. Этот «договор» был способом

выиграть время, чтобы выкупить мои акции и его долю. Чтобы раздавить его. Что я, в конце концов, и сделал.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, где правда, а где – очередная удобная ложь. Он умел убеждать. Он всегда умел.

– О, как благородно! – яростно прошептала я. – А Арина? Это тоже способ выиграть время? Утешать её в постели, пока ты так героически спал со мной?

Его пальцы снова сжали руль.

– Арина была ошибкой. Глупой ошибкой. Но она не имела к тебе никакого отношения. И уж точно не имела отношения к нашему ребёнку.

– Всё имеет отношение! – голос мой снова сорвался. – Ты думаешь, я могла доверить тебе маленькую, беззащитную жизнь? После того как ты так легко распорядился судьбой другого нерожденного ребёнка? Ты отправил её на аборт, Максим! Холодно, без эмоций. Как избавиться от проблемы. Ещё и обрадовался, что так замечательно всё сложилось. Как я могла знать, что наша дочь не станет для тебя следующей «проблемой»? и ты либо отдашь её дяде, либо просто избавишься.

Он резко перестроился, обгоняя фуру. Мускулы на его шее напряглись.

– Ты ничего не знаешь об этой ситуации, – сквозь зубы произнёс он. – Ничего. И ты не дала мне шанса ничего объ-

яснить тогда. Ты просто сбежала. Украла у меня год жизни моей дочери. И сейчас сидишь здесь и читаешь мне лекции о морали, хотя сама поступила отвратительно.

Его слова попали в цель. Я сжалась, ощущая, как жгучий стыд смешивается с яростью. Да, я сбежала. Да, я боялась его. Но у меня были на то причины!

– Я защищала её! – снова выкрикнула я, но уже без прежней уверенности. – Я...

Внезапно на экране мультимедийной системы машины высветился звонок. Имя «Арина» горело ярким белым шрифтом.

Максим взглянул на экран, и его лицо исказилось гримасой раздражения. Он резко нажал кнопку отклонения вызова.

В салоне воцарилась оглушительная тишина. Звонок Арины стал красноречивее любых моих слов.

– Глупая ошибка, говоришь? – тихо, с ледяной усмешкой спросила я. – Почему же ты тогда до сих пор с ней, если она всего лишь ошибка. Или ты пожалел её так же, как и меня? У тебя какой-то фетиш на женщин, которых надо приголубить и пожалеть?

Он молчал, только желваки ходили ходуном. Сильнее нажал на газ. Мотор взревел, спидометр уже показывал сотку, и я пришла в себя. Стало страшно от промелькивающих мимо домов и деревьев. Казалось, ещё немного и мы врежемся, но Одинцов уверенно вёл машину, очень ловко перестраиваясь

и обгоняя другие машины.

– Не надо гнать так, – пробормотала я онемевшими губами.

Максим сразу сбросил скорость.

– Нет, Вика, у меня нет фетиша на жалких женщин. И Арина не исключение, – ответил он наконец, хотя я уже даже забыла, о чём мы говорили.

Машина резко свернула к моему дому и остановилась у нужного подъезда. Я даже не дождалась, когда машина полностью замрёт, выскочила и бросилась к двери, не оглядываясь. Сердце колотилось, в голове стучало: «Только бы с ней всё было хорошо, только бы...»

Влетела в подъезд и поднималась по лестнице, перескакивая через ступеньки. Руки тряслись, и я с трудом вставила ключ в дверь.

Я ворвалась в прихожую и сразу бросилась в комнату к Маше.

Тишина. Ровное, спокойное дыхание.

Маша спала, разметавшись в кровати, её щека была прижата к мягкому бортику. Она была в полной безопасности. Вся моя паника, все эти ужасные картинки, что рисовало разыгравшееся воображение, оказались лишь плодом моего страха.

Я прислонилась лбом к прохладной стене, закрыв глаза, и выдохнула, чувствуя, как напряжение медленно отступает, сменяясь слабостью. И в этот момент я почувствовала его

присутствие.

Обернулась.

Максим стоял в дверном проёме, огромный, заполняющий собой всё пространство. Он не смотрел на меня. Его взгляд, тяжёлый и пристальный, был устремлён на спящую Машу. Он впивался в её личико с такой жадностью, будто пытался вобрать в себя каждую чётточку. Он стоял недвижимо, как самый злобный великан из сказки, замерший перед хрупкой принцессой от умиления.

– Выйди отсюда, – прошипела я, подходя к нему и стараюсь заслонить собой кровать. – Сию же секунду!

Он медленно перевёл на меня взгляд, будто возвращаясь из далёких глубин. Не говоря ни слова, он развернулся и вышел в коридор. Я на цыпочках последовала за ним, прикрыв за собой дверь.

– Всё, – сказала я, скрестив руки на груди. – Ты всё увидел. Получил свои ответы. Теперь уходи.

– Я никуда не уйду, Вика, – в его глазах плясали чёртики. Он был зол. – Это моя дочь.

– В ней нет ничего твоего! – я шипела, стараясь говорить тихо, но голос всё равно срывался. – Успокойся уже и иди делай детей со своей Ариной! Если ты так хочешь ребёнка, иди, сделай его Арине, родите себе на радость, а меня и Машу оставьте в покое!

Он шагнул ко мне, заставляя отступить к стене. Его лицо было опасно близко.

– Ты чего-то не понимаешь, – прошептал он, и от его шёпота по коже побежали мурашки. – Это не вопрос желания. Это факт. Она моя кровь. Моё продолжение. И этого не вернёшь. Но всё, что будет дальше, я уже не упущу. Ни на секунду. Она моя. И я сделаю всё, чтобы забрать её у тебя.

Глава 8

(Максим)

Она ещё смеет мне угрожать?

Она, которая украла у меня год жизни моей дочери? И не сказала даже о том, что беременна?!

Я никогда не был так зол, как сейчас. И не понимал, что меня бесило больше то, что она скрыла дочь, или то, что она огрызнулась в ответ.

«В ней нет ничего твоего!» – эта фраза отзывается глухой болью под рёбрами.

«Сделай ребёнка Арине... Оставь нас в покое...» Каждое слово словно плевок в наше прошлое, в те месяцы, когда я сходил с ума от её исчезновения.

И вот сейчас она стоит передо мной – та самая Вика, но совершенно другая. Глаза, в которых раньше читалась тоска и покорность, теперь горят ненавистью. Она скалится, как загнанная волчица, защищающая своего детёныша.

И это бесит меня до потери пульса.

Куда делась та женщина, что молча сносила мои упрёки, тихо плакала в подушку и смотрела на меня с обожанием? Исчезла, оставив вместо себя эту ядовитую фурию, которая смеет указывать, куда мне идти.

– Если ты сейчас же не уйдёшь, я вызову полицию! – ещё одна угроза от неё и я едва себя сдерживаю, что бы не придушить эту предательницу и воровку.

– Вызовешь полицию? – фыркаю, и злость, горячая и слепая, туманит разум. – Попробуй. Узнаешь, чьи связи в этом городе крепче. Узнаешь, как быстро сокопека придет по сигналу о невменяемой матери, оставляющей младенца одного в квартире.

Она вытягивает руку, её палец дрожит, указывая на дверь. Этот жест, этот приказ... Он переполнил чашу моего терпения.

Я двинулся вперед, не думая. Схватил её за запястья, и с силой прижал её к стене. Она вскрикнула от неожиданности.

– Не смей мне приказывать! – рычу я, чувствуя, как дрожь бешенства проходит по всему телу. Я дышу ей в лицо, впиваясь взглядом в её перекошенное яростью лицо.

– А ты не смей мне угрожать! – выкрикивает она, пытаясь вырваться, её глаза совершенно безумные. – Только попробуй забрать у меня Машу, Одинцов! Я убью тебя! Отравлю, пристрелю, перегрызу тебе глотку, но дочку не отдам!

Её слова не пугают, ещё больше злят. Они вгоняют меня в какое-то первобытное, дикое бешенство.

Она единственное, что есть у меня? А я? Что было у меня, когда она сбежала, как вор, украв мою дочь?

– Она единственное, что есть у меня! – её голос сорвался на шёпот, полный отчаяния и решимости. – И ты не смей со

мной так поступать! Ты не имеешь права! Ты мне никто!

«Никто». Это слово обжигает сильнее всего. Сильнее, чем угрозы убийством.

– Никто? – шиплю я, прижимая её ещё сильнее к стене, чувствуя, как бьётся её сердце. – Я её отец! Я твой бывший муж! Или ты забыла, чьей женой ты была? Я трахал тебя, и стонала от удовольствия. Или забыла уже об этом, как тебе было со мной хорошо, – я наклонился ближе, – ...я имею на тебя и на неё все права, хотя бы потому, что ты сама отдавалась и спала со мной. Сама этого хотела.

– Я думала, ты выбрал меня! – шепчет Вика. – А ты...ты после меня ехал к ней.

– Вот и выяснили всё. Ты просто отмстила. А пытаешься прикрыться, что спасала дочь. Да я бы никогда не отправил тебя на аборт. Тебе просто нужна была причина, чтобы сбежать. Ведь так? Да? Скажи правду, Вика. Ты же научилась огрызаться, а теперь пора учиться говорить правду.

– Кто бы говорил про враньё! Сначала на себя посмотри! – её голос звенит, как разбитое стекло.

Она пытается вырваться, её тело извивается подо мной, но я чувствую её ярость. Это не та хрупкая Вика, что ломалась от моего взгляда. Это была воительница, готовая сражаться до конца.

– Я выбрал тебя, дура ты! – рычал я, прижимая её к стене ещё сильнее, чувствуя, как напряжены её мышцы. – Я знаю про свои ошибки! А ты? Ты видела только то, что хотела ви-

деть! Ты построила в голове сказку про злодея и жертву и сбежала, даже не дала мне слова сказать!

– У тебя было достаточно времени, чтобы всё мне объяснить, – она с силой дёргает головой, прядь волос прилипла к её влажной щеке. – Но ты своими поступками яснее слов показал кто тебе дороже. Твоя Арина до сих пор с тобой. Если не любил, почему не расстался? И вообще, всем твои словам грош цена.

– Я никогда не говорил тебе о вечной любви! – снова рычу я, и это правда. Я говорил ей, что она моя. Что она принадлежит мне. Это было честнее любой любовной лирики.

– Ага, значит, я всё правильно поняла! Я была просто вещью! И нашу дочь ты считаешь вещью!

– НЕТ! – мой рёв, кажется, заставляет содрогнуться стены. Я встряхиваю её, заставив замолчать. – Она моя кровь! Моя! И ты не отнимешь её у меня!

Наши взгляды скрестились, как клинки. Дыхание спёрло. В её глазах бушевала буря – ненависть, боль, отчаяние.

Я накрыл её рот своим.

Я хотел её наказать. Хотел, чтобы поняла, что она натворила. Хотел доказать то, что нельзя было доказать словами.

Она сопротивляется, её губы сжаты, тело выгибается, пытаясь оттолкнуть меня. Но я сильнее. Всегда сильнее.

Перехватываю её запястья одной рукой, прижимаю их к стене над её головой. Другой рукой тяну вниз её пижамные штаны, плотная ткань поддаётся и соскальзывает вниз.

– Я ненавижу тебя! – выдыхает мне в губы.

– Давай, – шепчу я, отрываясь от её губ на секунду. – Давай, проверим, как ты меня ненавидишь. Покажи мне всю свою ненависть.

Она выгибается, как струна, издав сдавленный крик. Её нога резко бьёт вверх, пытаюсь ударить меня, но я блокирую удар коленом, прижимая её ещё сильнее. Она борется. Отчаянно, яростно, с тихими рыками, которые она пытается подавить, чтобы не разбудить дочь.

– Не трогай меня, – тяжело дышит, впиваясь в меня глазами. – Если ты это сделаешь...я...я...

– Ничего ты мне не сделаешь.

В тишине раздаётся треск ткани, а из комнаты доносится тонкий голосок: «Мама»

Глава 9

Тело горит от ярости, каждый мускул напряжён до предела. Я ненавижу его. Как же я его ненавижу!

Ненавижу так, что готова плюнуть в лицо, исцарапать, укусить – лишь бы он убрал свои руки.

Как он вообще смеет трогать меня после всего, что сделал?

И тут – тоненький, сонный голосок из комнаты: «Мама». Всё внутри замирает. Я смотрю прямо в его разгорячённые, полные злобы глаза.

– Ну что? – цежу сквозь стиснутые зубы. – Будешь ждать, когда она не заплачет, пока ты будешь доказывать мне, что я всё ещё хочу тебя? Или всё-таки отпустишь?

Его лицо искажается гримасой чистой, неподдельной ненависти. Он смотрит на меня так, будто готов задушить здесь и сейчас. Но он резко разжимает руки и отпускает меня. Я отшатываюсь, едва не падая, но всё же удерживаясь на ногах,.

– Нет, – его ответ обжигает ледяным спокойствием. Он поправляет свою рубашку и пиджак, и этот медленный, контролируемый жест пугает больше любого крика. – Я просто заберу дочь.

Он произносит это так просто, так буднично, словно объ-

являет о решении вынести мусор.

– Что? – вырывается у меня, и я сама слышу, как голос дрожит от ужаса.

Он уже не смотрит на меня. Его взгляд скользит мимо, в сторону комнаты, откуда доносится зов дочери. Он делает шаг в ту сторону.

– Ты не посмеешь, – шепчу я, отчаянно хватая его за рукав. Внутри всё обрывается. Все его угрозы, вся наша борьба – это было ничто по сравнению с этой тихой, уверенной фразой.

Он останавливается и медленно поворачивает ко мне голову. В его глазах – ни капли сомнения.

– Я уже всё решил, Вика. Ты сама всё для этого сделала. Ты думала, я шутил насчёт юристов и опеки? – Он холодно улыбается. – Завтра же начнётся процесс. А пока... я не оставлю свою дочь с матерью-истеричкой, которая не отдаёт отчёт в своих действиях. Ты опасна для дочки.

– Ну ты сволочь! – выплёвываю слова ему в лицо. Хочется сделать ему так же больно, как и он мне.

Всё происходит слишком быстро. Я бросаюсь следом за ним, сердце выскакивает из груди. Максим уже в комнате, его крупная фигура склоняется над кроватью. Он без лишних слов подхватывает Машу на руки. Она моргает сонно, не плачет, рассматривает, её личико выражает лишь детское удивление при виде незнакомого мужчины.

– Нет! – вырывается у меня крик, и я цепляюсь за его ру-

кав, пытаясь оттянуть эту железную руку. – Отдай её! Максим, не смей!

Он даже не смотрит на меня. Лёгким движением он сбрасывает меня, словно надоевшую муху. Я снова бросаюсь, хватаю его за руку, но это всё равно что бороться со скалой. Его не двинуть. Он выше, сильнее, выставляет передо мной руку, я даже до дочери дотянуться не могу.

– Ма-ма! – Маша, испугавшись резких движений и моего отчаянного голоса, тянет ко мне ручки и начинает плакать, громко и испуганно.

А он... он не обращает внимания. Хватает из кровати одеяло, наскоро накидывает на дочь, поворачиваясь ко мне спиной, закрывая собой Машу от меня, и твёрдыми шагами направляется в коридор.

– Максим! – я бегу за ним, как есть, в свитере, без штанов, в носках скольжу по полу. Слезы душат меня, голос срывается. – Прекрати это издевательство! Не превращайся в последнего уроды! Пожалуйста, отдай мне Машу!

Но он уже спускается по лестнице, преодолевая по две ступеньки за раз. Я лечу за ним, не чувствуя под собой ног, спотыкаясь на ступеньках.

– Я не отстану! – кричу я ему вслед, выбегая на улицу. Босиком. Осенний ветер сразу обдаёт холодом. Мне всё равно. – В полицию пойду! Максим, прекрати! Не будь таким, как мой дядя! Она же моя дочь!

Он останавливается у своей чёрной машины, открывает

дверь. И поворачивается. Его лицо кажется высеченным из камня. В глазах – ни капли жалости. Только холодная, беспощадная ярость.

– Она и моя дочь тоже, – говорит он чётко, и каждое слово словно камень в меня. – Но ты почему-то об этом не подумала, когда прятала её от меня.

Он разворачивается, собираясь усадить плачущую Машу в машину. Во мне что-то обрывается. Это конец. Он действительно заберёт её. Нет! Нет-нет-нет. Я не дам ему увезти её.

Бегу наперерез. Пытаюсь открыть дверцу машины, чтобы забрать Машу, но Максим уже двери блокировал.

– Ты чудовище! – вырывается у меня шёпот, пропитанный такой ненавистью, что, кажется, воздух вокруг закипает. Всё тело сотрясает мелкая, неконтролируемая дрожь. От холода, от ужаса, от бессильной ярости.

Мозг лихорадочно работает, перебирая варианты, один безумнее другого. Броситься на него? Разбить стекло? Лечь под колёса?

Он заводит двигатель и трогается с места. Мне на глаза попадает труба, просто обрезанная труба, которая лежит рядом с бордюром. Хватаю её и несусь на машину, бью по стеклу со всей силы, руки отбрасывает от удара назад, по лобовому ползёт трещина, но МАКСИМА это не останавливает. Он объезжает меня. Бегу за машиной, стучу по багажнику, но машина разгоняется, я отстаю. Вижу только, как он выезжает со двора и скрывается за домом.

Труба выпадает из рук. Не знаю, что дальше делать. Закрываю лицо руками в отчаянии. Вою, просто вою от бессилья.

Господи, за что?

Глава 10

Глухой, протяжный вой, вырывался из самой глубины души. Он смешивался с воем ветра и затихал в пустоте вечерней улицы. Труба с лязгом упала на асфальт. Руки бессильно повисли вдоль тела. Ноги подкашивались, и я осела прямо на холодную, мокрую землю. Всё кончено. Он забрал её. Увёз.

«Мама...» – эхом отзывается в ушах её испуганный, тоненький голосок.

Всё внутри превратилось в одну сплошную боль. Рыдания вырывались из горла сами по себе, сотрясая всё тело. Я не могла думать, не могла дышать. Только чувствовала, как по щекам текут слёзы, а в ушах стоит оглушительный звон.

Неожиданно я почувствовала чьё-то прикосновение. Тёплые, сильные руки легли мне на плечи.

– Девушка, вам плохо? – раздался рядом со мной мужской голос.

Я вздрогнула и резко обернулась, подняв заплаканное лицо. Надо мной склонился незнакомый мужчина. Лет тридцати, с серьёзным, встревоженным взглядом карих глаз.

– Простудитесь, не сидите на холодной земле, – его голос был спокойным. – Давайте я вам помогу.

Он осторожно взял меня под локоть и помог подняться. Ноги подкашивались, всё тело била крупная дрожь. Я ин-

стинктивно обхватила себя руками, пытаюсь согреться и хоть как-то собраться.

– Где вы живёте? – спросил он. – Пойдёмте, я вам помогу дойти.

Я была слишком сбита с толку, чтобы сопротивляться. Эта внезапная помощь, его спокойствие – всё это казалось нереальным на фоне только что случившегося кошмара. Он вёл меня, поддерживая, к моему подъезду. Всё это время он говорил тихим, успокаивающим голосом.

– Всё будет хорошо, чтобы не случилось, всё поправимо. Не стоит так отчаиваться. Руки-ноги целы – это самое главное. Страшнее смерти нет ничего, а пока ты жив, всё можно исправить.

Его слова доходили до меня сквозь пелену горя. Я понимала их умом, но сердце отказывалось верить. Я просто молча плакала, позволяя вести себя.

Мы поднялись на мой этаж. Дверь в квартиру, как я и оставила, была распахнута настежь. Он помог мне переступить порог.

– Что у вас случилось? – снова спросил он, закрывая за нами дверь. – Может, я чем-то могу вам помочь?

Я покачала головой, слёзы потекли по лицу.

– Вряд ли, – прошептала я, голос сорвался. – Бывший муж... он украл мою дочь. А ей... ей всего годик. Как она без меня?

И снова меня накрыла волна рыданий. Я стояла посреди прихожей, беспомощная и разбитая.

Мужчина не растерялся. Он мягко подвёл меня к дивану и усадил.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Вика, – выдавила я.

– Виктория, тут не плакать надо, а действовать, – сказал он без намёка на упрёк, его тон был деловым и собранным. – Полицию вызывать надо. Меня, кстати, Демид зовут.

Полиция. Да. Надо звонить. Я затравленно огляделась, пытаюсь вспомнить, куда бросила телефон, но в голове стоял туман.

– Не могу найти... – растерянно прошептала я, ощущая новую волну паники.

– Не надо, – Демид уже доставал свой телефон. – Я сам вызову.

Ой набрал номер, чётко и спокойно объяснил диспетчеру ситуацию: «Похищение несовершеннолетнего ребёнка отцом, адрес такой-то». Он говорил уверенно, в его голосе не было и тени моей истерики.

Положив трубку, он повернулся ко мне.

– Всё, скоро приедут. Теперь главное – успокоиться и всё им правильно рассказать. Всё будет хорошо.

Я сидела на диване, сжимая в ледяных пальцах край подушки, и пыталась дышать. Глубоко. Ровно. Как Демид показал. «Вдох-выдох, Вика. Вдох-выдох». Его спокойный голос был якорем в бушующем море моего ужаса.

Он прошёл на кухню, налил мне стакан воды и действительно протянул.

– Пейте. Маленькими глотками.

Я послушно сделала несколько глотков. Холодная вода обожгла горло, но немного прочистила сознание. Я смотрела на этого незнакомца, который вёл себя так, будто мы были старыми друзьями. В его действиях не было ни фальши, ни лести. Была какая-то простая, мужская уверенность.

– Спасибо вам, – прошептала я, и голос уже не так дрожал.
– Я... я не знаю, что бы делала...

– Не благодарите, – он мягко прервал. – Так поступил бы любой. Ребёнок... это святое.

Он сел в кресло напротив. Его присутствие странным образом успокаивало. Он не лез с расспросами, не требовал немедленно взять себя в руки.

Прошло минут пятнадцать. Я сидела, уставившись в одну точку.

– Полиция, – сказал Демид, подойдя к окну и отодвинув штору. – Едут.

Я глубоко вздохнула и поднялась с дивана. Ноги всё ещё

были ватными, но я выпрямила спину. Слёзы высохли. Теперь не время для слёз.

– Вам лучше пойти, – сказала я Демиду, не глядя на него.
– Не стоит вам впутываться в эту историю.

Он покачал головой.

– Я останусь. Если нужно, буду свидетелем. Это может пригодиться.

Я кивнула, не в силах спорить.

Через несколько минут в дверь постучали.

В дверях стояли два полицейских – мужчина и женщина.

– Это вы вызывали? – спросила женщина-полицейский, её взгляд скользнул по моему заплаканному лицу, по Демиду, который стоял за моей спиной.

– Я.

Демид поднялся.

– Позвольте, – он обратился к полицейским. – Девушка в состоянии сильного стресса. Её бывший муж около двадцати минут назад силой вынес их годовалую дочь из квартиры и увёз на своей машине... – он повернулся ко мне, – Вика, вы не запомнили номер?

Я с отчаянием покачала головой. В тот момент я ничего не видела, кроме его спины и плачущей Маши.

– Я видел, как машина уезжала, – спокойно продолжил Демид. – Запомнил несколько цифр. Могу сообщить.

Полицейские переглянулись. Мужчина достал блокнот.

– Расскажите всё по порядку, с самого начала.

И я начала. Голос сначала срывался, слёзы снова наворачивались на глаза. Я рассказала про нашу встречу в торговом центре, про его угрозы, про то, как он ворвался в квартиру. Пропустила, конечно, самые горькие и личные моменты нашей ссоры. Когда я дошла до момента, как он уносил Машу, меня снова затрясло.

Демид молча протянул стакан с водой.

– У вас есть совместное заявление об определении места жительства ребёнка? – спросила женщина-полицейский, когда я закончила.

– Нет... Мы в разводе. Он даже не знал о ней, – прошептала я.

В глазах полицейских что-то изменилось. Понимание сменилось на настороженность.

– Гражданка, если отец не лишён родительских прав, он имеет право на общение с ребёнком. Конфликты между родителями...

Я резко вскинула голову и впиалась взглядом в глаза женщины.

– Это похищение! Он просто пришёл и забрал ребёнка из её кровати! Она плакала, звала меня! Неужели вы не понимаете этого? Он не дал мне даже одеть её! Он угрожал, что

заберёт её навсегда! Разве это законное право отца?

Я видела, как мои слова подействовали. Они переглянулись снова.

– Мы проверим всю информацию, – пообещал старший мужчина-полицейский. – А сейчас постарайтесь успокоиться. И не наделайте глупостей.

Глава 11

Рёв двигателя заглушал тихие всхлипывания с заднего сиденья. Маша, завёрнутая в одеяло, наконец утихла, убаюканная движением. В зеркале заднего вида я видел её заплаканное личико, щёки, разгорячённые от плача, тёмные ресницы, слипшиеся от слёз.

Моя дочь.

Слово отдавалось в сознании глухим, мощным ударом. Не абстракция, не фантазия, а реальный, тёплый, дышащий комочек, который сейчас мирно посапывал, уткнувшись носом в складку одеяла.

Я выехал на ночную трассу, прибавил газ. «Мерседес» послушно двигался по дороге.

Мысли вернулись к Вике. К её лицу, искажённому ненавистью.

«Ты чудовище!»

Да. Видимо, я чудовище. И, похоже, пора было с этим смириться. Не получается у меня быть заботливым мужем и хорошим человеком.

Не она сделала меня таким. Я сам никогда не был ангелом. Но и она оказывается ангелом не была.

Как нормальный человек мог скрывать два года ребёнка?

А я ведь искал её, а она... она растила мою дочь, даже не потрудившись сообщить о её существовании. Нормальная бы мать ни за что не отказалась бы от отца. Я был в этом уверен. Вика просто мстила. А я недооценивал её. ДУмал она как беззащитный цыплёнок. Но видимость бывает обманчивой.

Я сжал руль с силой. Эта мысль жгла изнутри, как раскалённое железо.

Она украла у меня первые шаги, первое слово, все эти мелочи, которые не вернёшь.

Маша зашевелилась на заднем сиденье, её хныканье переросло в плач.

– Ма-ма-а-а...

– Мама сейчас не может, малышка. Теперь у тебя буду я. Папа, – сказал я, и голос прозвучал грубо. Она заплакала ещё громче.

Чёрт. Что мне с ней делать? Я не знаю, как обращаться с детьми. У меня нет опыта. Нужно будет нанять няню. Срочно. Сегодня же. Как только приедем.

Я свернул на знакомый подъезд к особняку. Ворота открылись по сигналу брелока. Дом встретил нас тишиной и прохладой. Я купил его для большой семьи, когда ещё верил, что смогу найти Вику и смогу исправить все ошибки.

Но дом стоит уже несколько лет пустой. Продать рука не поднималась, так же как и везти сюда Арину. Она была просто ширмой моей богатой жизни. Которая спасала от остальных знакомств.

Выключил двигатель. Маша продолжала тихо хныкать.

Я вышел из машины, открыл заднюю дверь. Она посмотрела на меня испуганно, большие глаза, полные слёз.

– Всё хорошо, – говорю я, пытаюсь отстегнуть ремни. Мои пальцы снова кажутся неуклюжими. – Всё хорошо.

Она не верит. И я её понимаю.

Наконец, я достал её из кресла. Она такая маленькая, такая лёгкая. Пахнет молоком и чем-то ещё, чистым, детским.

Я отнёс её в дом, включил свет. Она прижалась к моему плечу, и её плач постепенно начал стихать.

Сел на диван в гостиной. Она сидела у меня на руках, смотрела на меня.

– Я папа, – повторил по слогам. – Папа.

– Па-па? – словно поняла, повторила она.

Да, чёрт возьми. Папа. Твой папа.

И теперь никто и никогда не отнимет тебя у меня. Ни Вика со своими истериками, ни полиция, ни её проклятый родственник. Я сделаю всё, чтобы ты была в безопасности. Чтобы у тебя было всё, чего я был лишён в детстве.

Я достаю телефон. Первый звонок – юристу. Второй – агенту по подбору персонала. Третий... я смотрю на Машу... третий звонок будет завтра, в лучшую частную клинику, чтобы провести тест на отцовство. Хотя я и так знаю правду. Но для суда нужны официальные доказательства. А ещё мне надо позвонить Майорову и поблагодарить его за помощь.

Маша уже не плакала, а просто смотрела на меня боль-

шими, изучающими глазами, в которых ещё стояли слёзы. Я одной рукой осторожно поддерживал её спинку, а другой набирал номер.

Первый звонок – Матвею Сергеевичу, моему адвокату. Трубку взяли почти сразу, несмотря на поздний час.

– Матвей, это Максим. Мне нужна срочная консультация и подготовка документов, – сказал я, глядя на дочь. Она потянулась маленькой ручкой к блестящему корпусу телефона. – Ситуация: я установил местонахождение моей несовершеннолетней дочери. Мать, Виктория Одинцова, скрывала ребёнка от меня более года. Сегодня вечером я забрал ребёнка, так как имеются основания полагать, что мать не может обеспечить её безопасность. Оставила одну в квартире ночью. Мне нужно подать на определение места жительства ребёнка со мной и лишить её родительских прав.

Матвей засыпал меня уточняющими вопросами. Я кратко и чётко отвечал, не сводя глаз с Маши. Она устало зевнула, и её головка опустилась мне на грудь. Что-то тёплое ёкнуло внутри и заполнило грудь нежностью.

– Хорошо, Матвей. Жду черновики исков утром, – я положил трубку.

Маша уже начинала дремать. Я медленно, боясь её потревожить, набрал второй номер – в надёжное агентство по подбору персонала.

– Алло, Ирина? Максим Одинцов. Мне срочно требуется няня для годовалого ребёнка. С безупречными рекомендациями, опытом и готовностью к проживанию. Лучше из бывших медсестёр. Да, прямо на эту ночь. Деньги не имеют значения.

Пока я говорил, Маша окончательно уснула, её ровное дыхание щекотало мне шею. Я сидел неподвижно, боясь пошевелиться.

Третий звонок был Арсению Майорову.

– Арсений, – сказал я тише, когда он взял трубку. – Спасибо. Твой следователь сработал быстро. Я нашёл её. И... я забрал дочь.

В трубке послышался низкий свист.

– Серьёзно? Ну ты даёшь, Одинцов. И как она?

Я посмотрел на спящее личико, прижавшееся ко мне.

– Спит. Всё в порядке. Спасибо ещё раз. Буду должен.

– Пустое, – отмахнулся Арсений. – Рад, что помог. Если ещё что-то понадобится – звони.

Я положил телефон на стол рядом с собой. Тишина в доме была теперь не пугающей, а наполненной. Её нарушало лишь тихое, доверчивое дыхание Маши.

Осторожно, с невероятной для меня бережностью, я поднялся с дивана и понёс её наверх, в спальню, которая ждала её уже года два точно. Уложил в кровать, накрыл одеялом. Она всхлипнула во сне и повернулась на бочок.

Я стоял и смотрел на неё. Этот маленький человек, моя кровь. Украденное время нельзя было вернуть. Но будущее... будущее было теперь моим. Я сделаю её жизнь идеальной. Огражу от всех бурь, от всех неприятностей. И от её матери в первую очередь.

В голове снова всплыло Викино лицо. Искажённое болью. «Чудовище!» – я никак не мог выкинуть из головы это слово и её взгляд.

В глубине души, под всеми этими холодными расчётами, шевелилось одно-единственное, невыносимое признание, которое я гнал от себя прочь: видя, как она бьётся в истерике, с каким упрямством продолжала биться за дочь, я не чувствовал триумф. Неприятное, мерзкое, липкое чувство вины шевелилось внутри. И мне хотелось, что бы оно навсегда замолчало.

Глава 12

(Вика)

Когда полицейские ушли, оставив меня с формальными обещаниями «разобраться», во мне что-то переключилось. Их фразы о «конфликте родителей» и «не наделайте глупостей» прозвучали как издевательство. Они не видели похищения. Они видели лишь ссору бывших супругов.

Я стояла посреди гостиной, и отчаяние начало кристаллизоваться в холодный, беспощадный расчёт. Глупостей? Нет. Отныне – только чёткий план.

– Они не помогут, – осознание пришло ясно, не оставляя сомнений. – Для них он – отец, пусть и не указанный в документах. А спор отцов и матерей – это не их юрисдикция.

– Закон в таких ситуациях часто встаёт в тупик, – заметил Демид. Его спокойствие теперь не успокаивало, а подстёгивало к действию. – Особенно на начальном этапе.

– Тупик? – я резко обернулась к нему. – Он силой унёс моего ребёнка! Он даже юридически не является её отцом! Свидетельства о рождении у него нет! И в свидетельстве и в остальных документах, он не вписан как отец!

– Именно это и усложняет ситуацию для полиции, – пояснил он. – Нет официального документа, доказывающего его

отцовство, но нет и документа, лишаящего его прав. Правовая неопределённость.

– Так что, ты предлагаешь мне сдаться? Оставить ему дочь? – вся злость, которую я не успела выплеснуть на Максима, сейчас перенаправилась на Демида. Его логика, его спокойствие теперь раздражали. Да и вообще кто он такой? Незнакомец, который взялся из ниоткуда.

– Нет, я не говорю тебе, чтобы ты сдавалась. Просто к этому делу надо подходить с умом и расчётом. Если начать действовать, не составив план, можно наломать дров.

– Хорошо. Я так и сделаю, – кивнула я. – А тебе уже пора. Мы попрощались с Демидом. Он оставил свою визитку, сказал звонить ему, если понадобится помощь. Я кивала, обещала, что позвоню, но сама уже знала, что не сделаю этого. С некоторых пор я перестала быть доверчивым человеком. Уж слишком странным и неожиданным мне показалось его появление. Много ли можно встретить равнодушных людей, которые, бросив все дела, будут помогать незнакомой девушке. Эта мысль не давала мне покоя.

Нет, лучше я буду одна. Составлю план, должен же хоть кто-то мне помочь.

Как только за Демидом закрылась дверь, я осталась в полной тишине. Не помню, когда такое было.

Когда появилась Маша, я наконец-то почувствовала, что кому-то нужна. Не за красивые глаза и не за потому, что быть со мной выгодно, просто нужна как воздух. И Машу я лю-

била безгранично, направив всю нерастраченную любовь на неё. Теперь самое сложное было заставить свой мозг мыслить. Не поддаваться панике и отчаянию. Надо было выключить все чувства, как когда-то я их выключала, превращаясь просто в куклу. Не думала, что это снова повторится.

Это было невыносимо. Но именно эта боль заставила мой разум проясниться. Я не могла позволить себе роскошь истерики. Маше нужна была холодная, расчётливая мать, а не обезумевшая от горя женщина.

Я села за кухонный стол, взяла блокнот и ручку. Рука дрожала, но я сжала пальцы сильнее. Нужен был план. Пошаговый и безошибочный.

Первым делом мне надо будет завтра обратиться в опеку и прокуратору.

Они были моим главным оружием. Максим не вписан в свидетельство о рождении. Юридически он для Маши – чужой мужчина. Я напишу заявление не о «конфликте родителей», а о «противоправном удержании несовершеннолетнего ребёнка посторонним лицом, не имеющим на то законных прав».

Это совершенно другая статья. Я подробно опишу все его угрозы, его агрессию, то, как он буквально вырвал её из кровати. Одно дело – спор отца и матери. Совсем другое – действия мужчины, чей статус отца не установлен.

Да, я признавала, что он первым делом сделает тест на отцовство. Поисковик выдал информацию, что стандартный

тест ДНК делается от 3 до 14 рабочих дней. Но зная Максима, я была уверена, что он закажет срочный, который делается за сутки. Получается, у меня было не так много времени. И действовать надо было быстро. Именно поэтому я собралась подключить телевидение.

Это будет настоящая информационная война.

Максим всегда дорожил своей репутацией. А сейчас тем более. Что, если обратиться в новости? И рассказать про бизнесмена Одинцова, который выкрал ребёнка. И даже этого мало.

Надо найти номер самого рейтингового ток-шоу или программы, специализирующейся на скандалах. Я расскажу чудовищную историю: «Уважаемый бизнесмен, воспользовавшись своим физическим превосходством, выкрал из дома годовалую дочь». Я покажу его фотографию. Назову его имя. Пусть весь город узнает, на что способен «успешный» Максим Одинцов.

А ещё... надо было обратиться к Арине. Готова ли она воспитывать чужого ребёнка? Как она отреагирует на то, что у Максима появилась дочь от бывшей жены? Сможет ли он совмещать их? Мысль о том, чтобы обратиться к ней, вызывала отвращение, но я была готова на всё.

План был жёстким. Я собиралась растерзать его жизнь: официальными проверками, публичным скандалом, ударом по личным отношениям.

Я отложила ручку и подошла к окну. Ночь была тёмной

и беззвёздной.

«Ты хотел играть по-крупному, Максим? – мысленно обратилась к нему. – Что ж, получай. Ты отнял у меня дочь. Я отниму у тебя всё остальное: репутацию, покой, иллюзию контроля. И когда ты будешь окружён со всех сторон, ты сам привезёшь её обратно».

Глава 13

Первая ночь в роли отца обернулась кошмаром. Идиллическая картина со спящей на моей груди дочерью рассыпалась, как только я попытался переложить её в кроватку. Маша проснулась с испуганным плачем, который вскоре перерос в настоящую истерику.

– Ма-ма-а-а! – её крик резал слух и, чего уж греха таить, душу. Я пытался укачать её, носить на руках, напевать что-то бессвязное – всё было бесполезно. Она выгибалась, отталкивалась и надрывно звала мать.

Няня, Анна Петровна, женщина лет пятидесяти с виду опытная, прибыла ближе к полуночи. Но и её магические способности оказались бессильны перед тоской годовалого ребёнка по матери.

– Детка, детка, успокойся, – причитала она, качая Машу на руках. – Сейчас молочка тёплого сделаем.

Но Маша отворачивалась от бутылочки, выплёвывала смесь и снова заходила в плаче. Её маленькое тело было напряжено, личико залито слезами.

– Может, ванночку попробовать? С ромашкой, – предложила я Анна Петровна. – Успокаивает.

Я, чувствуя себя абсолютно беспомощным, лишь кивнул. Мы наполнили ванночку. Тёплая вода с нежным ароматом ромашки на пару минут увлекла Машу. Она хлопала ладо-

шками по воде, всхлипывая, но уже не так отчаянно. Но стоило мне вынуть её и завернуть в полотенце, как всё началось снова. Теперь мокрый, дрожащий комочек кричал ещё громче.

– Ма-ма! – этот крик стал навязчивым кошмаром. Он звучал в ушах, отдавался в висках.

Анна Петровна снова и снова пыталась её укачать. Я видел, как на лбу у неё проступают капельки пота. Она была профессионалом, но эта задача оказалась ей не по зубам.

Я стоял в дверях детской, сжимая кулаки. Бессилие разъедало изнутри. Я, Максим Одинцов, который мог купить всё что угодно, решить любую проблему деньгами и влиянием, не мог успокоить собственного ребёнка. Не мог дать ей самого простого – чувства безопасности.

Рука непроизвольно потянулась к телефону. Одним нажатием я мог бы вызвать Вику. Услышать её голос. Возможно, он успокоил бы Машу... Но тут же я представил её лицо – искажённое ненавистью, её слова: «Чудовище!» Нет. Я не могу. Не могу позволить себе эту слабость. Не могу признать, что она, та, что украла у меня дочь, сейчас нужна ей больше, чем я.

Но гордость не позволяла. Я развернулся и вышел из комнаты, спустился в кабинет, налил виски. Но даже алкоголь не мог заглушить этот плач, который доносился сверху. Он проникал сквозь стены, сквозь закрытые двери, сквозь все мои барьеры.

Полчаса в кабинете оказались пыткой. Каждый крик Маши отзывался во мне физической болью. Я сидел, сжав бокал, но это не помогало. Глупое, детское упрямство поднималось изнутри: либо эта няня – полная бездарность, либо эта девочка решила проверить мои нервы на прочность. Но я не сдамся. Я никогда не сдаюсь.

Я резко поднялся наверх. В детской Анна Петровна, бледная и измотанная, безуспешно пыталась укачать орущую дочь.

– Я сам, – коротко бросил я, забирая Машу из её рук. – Можете идти отдыхать.

Няня, с облегчением и небольшой долей обиды, ретировалась. Мы остались одни. Маша, почувствовав смену «караула», на секунду смолкла, уставившись на меня мокрыми от слёз глазами, а затем залилась с новой силой.

– Ну нет, – сквозь зубы прошипел я. – Так не пойдёт.

Я начал ходить с ней по комнате. Не просто качать, а именно ходить. Большими, размеренными шагами. Потом сел и начал показывать ей разные безделушки со стола – тяжёлые запонки, блестящую ручку. Она на секунду увлекалась, её рыдания переходили в тихие всхлипы, но потом снова вспоминала о своём горе. Я снова вставал и ходил. Это напоминало какой-то изнурительный, бессмысленный ритуал. Моя спина ныла, веки слипались, но я продолжал. Это была битва воли. И я был настроен её выиграть.

К шести утра я почувствовал, что она совсем ослабла. Плач стал тише, больше похож на жалобное хныканье. В голову пришла идея.

– Анна Петровна! – позвал я, не выходя из комнаты. – Сварите манной каши. Жидкой.

Пока няня хлопотала на кухне, я продолжал ходить, бормоча что-то бессвязное – о бизнесе, о погоде, о чём угодно, лишь бы звук моего голоса её успокаивал.

Кашу принесли. Маша сначала отворачивалась, сжимала губы. Я проявил несвойственное мне терпение. Не давил. Просто подносил ложку снова и снова, капал ей на губы. И вот, с горем пополам, уставшая и голодная, она сделала первый глоток. Потом второй. Она съела почти половину порции. Не торопясь, с капризами и паузами, но съела.

После еды она стала сонной. Её глазки начали закрываться. Я сел в кресло, не прекращая ритмично покачивать её. Её дыхание стало ровным и глубоким. Она уснула. Не тем тревожным сном между приступами плача, а по-настоящему, крепко, разомлев от еды и усталости.

Я боялся пошевелиться. Минут десять просто сидел, слушая её ровное сопение. Потом, двигаясь, как во сне, осторожно поднялся и отнёс её на свою кровать. Положить в её кроватку я не решился – боялся, что она проснётся и всё начнётся сначала. Я прилёг рядом, не раздеваясь, и просто смотрел на неё.

Она спала, прижав кулачок к щеке. Ресницы, ещё влажные от слёз, лежали на её бледной коже. Впервые за эту бесконечную ночь её личико было спокойным.

Я чувствовал себя так, будто меня переехал каток. Вся нервная энергия, всё адреналиновое бешенство ушли, оставив после себя только густую, свинцовую усталость.

Я закрыл глаза, прислушиваясь к её дыханию. Оно было таким тихим. И впервые за долгие годы я почувствовал себя не хозяином положения, а всего лишь человеком. Причём очень уставшим человеком.

Глава 14

Вика

Рассвет застал меня за тем же столом. Я не сомкнула глаз, перечитывая и дополняя свой план. Теперь он был не просто списком, а картой боевых действий. И первый выстрел должен был прозвучать громко.

В 09:00 я вошла в кабинет опеки и попечительства. Чиновница средних лет подняла на меня усталые глаза.

– Чем могу помочь?

– Я хочу написать заявление о противоправном удержании моей годовалой дочи, – я говорила тихо и уверенно, положила на стол копию свидетельства о рождении Маши. – Ребёнка силой забрал мужчина, не указанный здесь в качестве отца. Максим Одинцов. Он не имеет никаких юридических прав на неё. Я опасаясь за её безопасность и требую немедленного вмешательства.

Чиновница перечитала свидетельство, её лицо стало серьезнее. Это был уже не бытовой спор, а официальный инцидент. Она взяла бланк и стала записывать мои показания. Я подробно описала всё: его внезапное появление, угрозы, как он вынес плачущую Машу. Я видела, как её лицо хмурится. Механизм был запущен.

К 11 я уже была в прокуратуре. Здесь пришлось прождать

в очереди почти полчаса, но я использовала это время, чтобы отточить формулировки, повторяя без одних и тех же фразы, чтобы выглядеть такой же уверенной, как и в опеке.

– Гражданка, вы понимаете, что это серьёзное обвинение?

– Вполне. Я также обвиняю полицию в бездействии. Они отказались квалифицировать это как похищение, – я передала ему распечатку с описанием номеров машин, которые успел запомнить Демид. – Вот данные автомобиля, на котором он скрылся. Прошу провести проверку.

Он кивнул, делая пометки.

Две официальные структуры теперь знали о Максиме. Давление начиналось.

Теперь оставалось начать информационную войну. Вернувшись домой, я сразу взяла телефон. Вместо ток-шоу, нашла номер новостного отдела городского канала.

– Алло, я хотела бы сообщить о вопиющем случае. Известный бизнесмен Максим Одинцов вчера вечером силой вынес из квартиры мою годовалую дочь. Он не является её отцом по документам. Полиция бездействует. Это материал для вас?

В трубке повисла пауза. Я слышала, как он переспросил имя.

– Одинцов? Тот самый, Одинцов Максим Борисович, владелец строительной компании «Мостовой»?

– Именно он, – подтвердила я. – У меня есть все документы, подтверждающие мои слова.

На другом конце разговора заинтересовано цокнули.

Мы договорились, что мне перезвонит после совещания.

Теперь оставалось ещё позвонить Арине, и это был самый неприятный звонок.

Он потребовал всей моей выдержки. Я нашла её номер через общих знакомых. Сердце бешено колотилось, когда я услышала её сладкий, надменный голос.

– Алло?

– Арина, добрый день. Это Вика Одинцова.

В трубке повисла тишина.

– Что тебе надо? – спросила она спустя секунд десять.

– У нас с Максимом есть общая дочь. Ты наверно уже знаешь. Вчера он силой забрал её у меня. Я просто хотела предупредить тебя, что теперь, видимо, он хочет, чтобы ты воспитывала её вместе меня, – я сделала паузу, позволяя ей осознать информацию. – Или... ты уверена, что готова играть в счастливую семью с ребёнком от другой женщины?

Это было рискованно, ведь она могла запросто ответить «Да». Но почему-то интуиция подсказывала мне, что ребёнку от меня Арина вряд ли захочет быть мамой.

– Ты... Ты врёшь! – голос Арины дрогнул, потеряв свою сладкую надменность. – У Максима нет детей!

Значит, Максим ещё не поставил в известность её. Что ж, так даже лучше.

– Проверь, – холодно парировала я. – Спроси у него сама. Спроси, где он провёл ночь. И с кем.

Я не дала ей опомниться и положила трубку. Моё сердце всё ещё бешено колотилось, но на смену отвращению пришло леденящее удовлетворение. Зёрна сомнения и ревности были посеяны. Теперь в его тылу назревал бунт.

Я обвела взглядом свою пустую квартиру. План выполнялся. Официальные органы, СМИ, личный фронт. Максим ещё не знал, но буря уже собиралась вокруг него. Я не давала ему ни дня передышки.

Мой телефон завибрировал. Незнакомый номер. Новостной канал.

– Виктория? Говорит продюсер новостей. Мы можем встретиться сегодня? Мы можем подъехать к вам или вы можете подъехать к нам в студию? Как вам удобнее?

В груди заворчалось неприятное чувство жалости, которое я тут же отбросила. Вчера меня Одинцов не пожалел, вот и я не буду.

– Лучше приеду сама. Буду через полчаса. Говорите, куда ехать.

Адрес оказался в старом деловом центре. Я поднялась на третий этаж, где меня встретила молодая девушка-ассистент, и проводила в небольшую студию. Помещение было тесным, заставленным камерами и софитами. В центре – два кресла, напротив них оператор и корреспондентка, женщина лет сорока с пронзительным взглядом.

– Виктория? Я Елена, ведущая программы «Городские истории», – представилась она, жестом предлагая занять крес-

ло. – Вы не против, если мы запишем наш разговор?

– Не против, – ответила я, опускаясь в кресло.

Ладони были влажными, но голова – ясной.

Пока оператор настраивал камеру, Елена бегло просматривала мои документы. Её лицо оставалось невозмутимым.

– Итак, Виктория, – начала она, когда красная лампочка на камере зажглась. – Вы утверждаете, что известный бизнесмен Максим Одинцов похитил вашу дочь. Расскажите, как это произошло.

Глава 15

(Максим)

Я провёл утро в состоянии полной прострации. После той кошмарной ночи и вчерашнего дня вместе с малышкой я чувствовал себя разбитым. Зато я мог похвастаться тем, что Маша больше меня не боялась и хорошо спала.

Я оставил её сегодня под присмотром Анны Петровны, а сам на пару часов отправился в офис

Я пытался сосредоточиться на бумагах, но мысли путались. В ушах до сих пор стоял гул.

Неожиданно дверь в кабинет распахнулась без стука. На пороге стоял Арсений Майоров, его обычно насмешливое лицо было серьёзным.

– Слышал, ты стал знаменитым, – без предисловий бросил он, подходя к столу.

Я устало поднял на него взгляд. Мозг отказывался воспринимать шутки.

– О чём ты?

– О том, что во всех новостях мусолят историю, как ты девочку похитил, – Арсений сел в кресло напротив, положив ногу на ногу. – Удивительно, что к тебе ещё ОМОН не во-

рвался. Хотя, кто их знает, может, уже выезжают.

В его тоне не было и тени шутки. Лёд пробежал по спине. Я схватил телефон и лихорадочно вбил в поиск своё имя.

Первая же ссылка вывела на новостной портал. Кричащий заголовок: «БИЗНЕСМЕН ОДИНЦОВ ПОХИТИЛ РЕБЁНКА: ШОКИРУЮЩИЕ ПОДРОБНОСТИ». Ниже – фотография Вики. Она смотрела в камеру с тем самым ледяным, полным ненависти выражением, что я видел вчера.

Я пролистал ниже. Десятки похожих статей. Везде её слова, её обвинения. «Силой вынес», «не является отцом», «полиция бездействует». Весь город, вся страна теперь видели меня монстром.

– Чёрт... – вырвалось у меня. Я отшвырнул телефон. Он с грохотом ударился о стену. – Это она.

В голове сложилась полная картина. Вчерашний истеричный звонок Арины, её намёки и вопросы: «Это правда? У тебя есть ребёнок? Ты её украл?» Я тогда отмахнулся, списал на женские капризы. А это... это была разведка. Первый зондирующий удар.

– Похоже, я недооценил Вику, – тихо произнёс я, глядя в пустоту.

Во мне закипела ярость. Чистая, беспощадная. Она не просто пряталась. Она контратаковала. И делала это с убийственной эффективностью. опека, прокуратура, а теперь ещё и публичная казнь в СМИ. Она методично уничтожала мою репутацию, выставляя меня похитителем детей.

Я поднял взгляд на Арсения.

– Нужно срочно что-то делать. Выпустить опровержение. Подать в суд за клевету.

Арсений покачал головой.

– Опровержение на крик матери? Это только подольёт масла в огонь. А суды... Макс, они тянутся месяцами. Пока ты будешь судиться, твоё имя уже растопчут в грязи. Инвесторы начнут отворачиваться. Партнёры...

Он недоговорил, но я понял. Репутация, которую я годами строил, разрушится за один день. И всё из-за неё. Из-за той самой тихой, покорной Вики, которая оказалась не такой уж и беззащитной.

Я резко встал и подошёл к окну. Город лежал внизу, обычный, суетливый. А моя жизнь в нём переворачивалась с ног на голову.

– Она объявила мне войну, – сказал я, глядя на улицу. – Хорошо. Значит, будет война. Но теперь я знаю, с кем имею дело. И я не собираюсь играть по её правилам.

Я обернулся к Арсению. Внутри всё горело от злости, но ум уже работал, просчитывая ответные ходы.

– Мне нужен не пиарщик. Мне нужен человек, который найдёт на неё компромат. Всё. Любые тёмные пятна. Сейчас она святая мать-одиночка, у которой отобрали ребёнка. Но

никто не идеален. Надо лишить её этого ореола.

Арсений медленно кивнул.

– Я понял. Будут люди. Они найдут всё, что нужно.

Он вышел, оставив меня наедине с самим собой. Я поднял телефон. Экран был весь в паутинке, но работал. Я снова посмотрел на фотографию Вики. На её холодные, решительные глаза.

– Хорошо сыграно, Вика, – мысленно признал я. – Но это был только первый раунд. Ты разбудила не того зверя. И теперь посмотрим, чья возьмёт.

Я уже составлял в уме план, как дискредитировать Вику, как найти на неё управу. И в этот момент зазвонил телефон. Няня, Анна Петровна. Голос у неё был испуганный.

– Максим Борисович, к вам пришли! Из органов опеки! – она задыхалась. – Говорят... требуют немедленно передать им девочку! У них какие-то бумаги! Что мне делать?!

Сердце будто сжал кто-то, не давая ему нормально биться.

Вика не теряла времени. Пока я водился с дочкой и пытался наладить с ней контакт, Вика уже успела запустить официальный механизм.

– Ничего не делайте! – ответил я резко. – Не отдавайте Машу. Скажите, что ждёте меня. Я выезжаю. Сейчас же.

Я бросил трубку, схватил ключи и пиджак. В голове пронеслись обрывки мыслей: «Опека... На каком основании? Я ведь отец! Тест, блядь, тест ещё не готов. Чёрт!»

Без теста юридически я для Маши – никто. Посторонний мужчина, удерживающий чужого ребёнка.

Я мчался по городу, нарушая все правила, мысленно проклиная и Вику, и себя. Я недооценил её. Глупо, самонадеянно недооценил. Я думал, что имею дело со слабой женщиной, а она оказалась стратегом, наносящим точные удары по всем фронтам одновременно: СМИ, опека, прокуратура...

Подъехав к дому, я увидел у ворот служебную машину и двух женщин в строгих костюмах. Они о чём-то разговаривали с охраной. Я заглушил двигатель и вышел, стараясь выглядеть спокойным.

– Я Максим Одинцов. Чем могу помочь? – вежливо начал я, хотя хотелось просто вышвырнуть их со своего двора.

Одна из женщин, старше по возрасту, повернулась ко мне.

– Гражданин Одинцов. Мы из органов опеки и попечительства. Поступило заявление о незаконном удержании несовершеннолетней.

Глава 16

– Гражданин Одинцов. Мы из органов опеки и попечительства. Поступило заявление о незаконном удержании несовершеннолетней. На основании этого заявления и отсутствия у вас юридически установленного отцовства, *мы обязаны забрать у вас ребёнка и передать матери по месту её жительства. Вам же советую сосредоточиться на юридическом установлении отцовства.*

Слово «приют» прозвучало как пощёчина. В ушах зазвенело. Я видел, как они смотрят на меня – эти две женщины с каменными лицами. Они были всего лишь винтиками в системе, но сейчас они олицетворяли всё то бессилие, которое я испытывал.

– Послушайте, – я попытался говорить спокойно, хотя внутри всё закипало. – Это моя дочь. Тест ДНК уже сделан, результат будет уже завтра. Она только начала ко мне приходить. Вырвать её из дома сейчас – это травма для ребёнка.

Старшая женщина, её бейджик гласил «Ковалёва И.П.», покачала головой.

– Наши действия регламентированы. Пока отцовство не установлено в судебном порядке, ребёнок находится в ситуации, потенциально опасной для его жизни и здоровья. Мы не можем оставить его здесь.

В этот момент я услышал шум подъезжающих машин. Я обернулся. К воротам подъехали два полицейских автомобиля. И, словно стервятники на запах крови, за ними подкатил микроавтобус с логотипом телекомпании. Журналисты. Вика позаботилась и о зрителях.

Всё стало происходить с калейдоскопической быстротой. Полицейские, формальные и непреклонные, присоединились к женщинам из опеки. Журналисты с камерами наперевес толпились за оградой, их объективы были направлены на меня. Я был в ловушке. Любое моё резкое движение, любая попытка предложить деньги – и это станет достоянием общественности, окончательно похоронив мою репутацию. Вика поставила меня в такие рамки, где сила и деньги были бессильны.

Я стоял, сжав кулаки, чувствуя, как гнев и отчаяние рвут меня изнутри. Я мог бы снести с ног этих стражей порядка, мог бы заплатить этим чиновникам сумму с шестью нулями, лишь бы они оставили малышку мне... но я ничего не мог сделать. Камеры фиксировали каждый мой дёрнувшийся мускул, каждое слово, сказанное против них, могло обернуться против меня.

Мои ноги были ватными. Анна Петровна стояла в гостинной, бледная как полотно, прижимая к себе Машу. Девочка, почувствовав напряжение, начала хныкать.

– Передайте её мне, – сказал я няне, голос дрожал.

Я взял дочь на руки. Она была такой тёплой и мягкой. Она

посмотрела на меня своими большими, испуганными глазами и тихо позвала:

– Па-па?

Я окаменел. Она только начала говорить это слово. Это было что-то волшебное, невозможное. Услышать от неё «па-па». Глаза зажгло. Я прижимал её к себе и едва сдерживал слёзы от мысли, что её сейчас заберут.

– Всё будет хорошо, малышка, – прошептал я, прижимая её к себе. – Папа всё исправит.

Но я ничего не мог исправить прямо сейчас.

В дверь снова раздался стук, я открыл

Женщина по фамилии Ковалёва осторожно взяла Машу у меня из рук. Она, оказавшись в объятиях незнакомого человека, залилась громким, испуганным плачем.

– Ма-ма! Па-па! – её крик резал мне душу.

Маша плакала, сердце болезненно сжималось. Ей итак было сложно без мамы, теперь она стала только привыкать ко мне и опять эти уроды вмешиваются. Ещё и толпа стоит с мигалками. Ей же страшно, неужели они этого не понимают?

– Пожалуйста, – попросил я. – Не пугайте её.

Я не мог дышать. Ненавидел себя за беспомощность, ненавидел Вику за то, что она снова забрала у меня дочь. Я стоял и смотрел, как чужая женщина уносит мою дочь, мой смысл, моё пробудившееся сердце. Плач Маши становился всё тише, удаляясь, пока не слился с шумом машин. Я до последнего провожал глазами её маленькую чёрную головку, пока

она не исчезла за дверью машины.

Потом хлопнула дверь. Воцарилась тишина. Оглушительная, давящая тишина. Я повернулся и медленно вошёл в дом.

Я остался один посреди огромной, роскошной гостиной. В доме, который купил для большой семьи. В доме, который снова стал пустым. Не было ни плача, ни смеха, ни топота маленьких ножек. Только гулкая пустота.

Я прошёл в гостиную, опустился на диван. Всё тело вдруг стало ватным.

Я вспомнил, как она смеялась сегодня утром, когда я корчил ей рожицы. Как она упрямо отворачивалась от манной каши. Как её тёплая щека прижималась к моему плечу, когда она засыпала. Она была капризной, вредной, неудобной. И она стала всем для меня.

Я хотел дать ей всё самое лучшее, хотел, чтобы она никогда не знала, что такое быть несчастной. Я хотел подарить ей весь мир.

Из моей груди вырвался стон, не имевший ничего общего с человеческой речью. Я обхватил голову руками и опёрся локтями на колени. Так и просидел до глубокой ночи. Мозг отказывался соображать. Во мне бушевала ярость.

Я хотел крушить всё вокруг, хотел найти Вику и... И что? Я ведь сам забрал ребёнка силой. Я стал в её глазах и в глазах закона монстром.

Ярость сменилась леденящим осознанием. Я сам загнал себя в эту ловушку. Своим высокомерием. Своей уверенно-

стью, что всё могу купить и всё контролировать. Своим решением действовать с позиции силы, не думая о последствиях для хрупкой психики годовалого ребёнка.

«Па-па...»

Её голосок снова прозвучал в памяти, и по спине пробежала дрожь.

«Я должен всё исправить».

Это мысль раз за разом вспыхивала перед глазами.

Но я пока не знал, как это сделать.

Глава 17

(Виктория)

Тишина в квартире висела в воздухе тяжёлым полотном. Я к ней не привыкла. Каждая клетка моего тела помнила вес дочери на руках, и теперь её отсутствие было физической болью.

Я металась по комнате, не в силах усидеть на месте. Включила телевизор – там говорили о нём, о «похитителе», о Максиме Одинцове, показали моё лицо. Я выключила. От этих новостей становилось только хуже. Это была победа, но на вкус она была с чувством дискомфорта и неловкости.

Я пыталась отвлечь себя книгой, просмотром рилсов, но мои мысли тут же улетали к МАшеньке, к Одинцову. Это были две самых сложных ночи. Я почти не спала. Отключалась ненадолго, но просыпалась от тишины, прислушивалась к дыханию дочери и просыпалась окончательно, вспоминая, что её нет в кровати.

Неожиданно в дверь постучали. Тихо, отчётливо. Сердце подпрыгнуло вверх, замерло, а потом забилось с бешеной силой. *Максим.* Это мысль была первым инстинктивным порывом.

Сжав кулаки, я подошла к двери и заглянула в глазок. И обомлела.

За дверью стояла та самая женщина из опеки, а на её руках, вся в слезах, с заплаканным личиком и растрёпанными чёрными волосиками, сидела моя Машенька.

Я резко распахнула дверь. Всё внутри упало вниз, когда я увидела её испуганные, полные слёз глаза.

– Ма-ма! – её тоненький, надрывный всхлип пронзил тишину подъезда.

Всё остальное перестало существовать. Я не видела и не слышала женщину. Я просто выхватила свою дочь из её рук, прижала к себе так сильно, как только могла. Закрыла глаза, пытаюсь тёплом собственного тела согреть дрожащий комочек. Хотелось защитить её от всех, спрятать и никому не показывать.

– Моя девочка, моя хорошая, мама здесь, здесь... – я бормотала, покрывая её лицо, голову, влажные от слёз щёчки бесконечными поцелуями. Я целовала её в лобик, в закрытые веки, в макушку, вдыхая её родной, детский запах, смешанный теперь с запахом чужого одеколona и автомобиля.

Маша впилась в меня пальчиками, вцепилась в мой свитер с такой силой, будто боялась, что её снова оторвут. Её маленькое тельце судорожно вздрагивало, она всхлипывала, прижимаясь щекой к моей груди, и потихоньку, очень медленно, её плач начал стихать, сменяясь тихими, прерывистыми всхлипами. Она затихала, чувствуя меня, моё сердцебиение, моё дыхание.

Я стояла в дверном проёме, качая её на руках, и только

сейчас заметила женщину из опеки. Она ждала, и в её глазах, обычно таких строгих, блеснули слёзы. Она смотрела на нас, и на её лице было что-то похожее на умиление и грусть одновременно.

– Простите, что прерываю, – она тихо прокашлялась, когда Маша наконец совсем затихла, уткнувшись носом мне в шею. – Я рада, что ребёнок с мамой.

Я кивнула, не в силах ответить сейчас хоть что-то вразумительное, просто прижимала к себе дочь, дрожь в теле понемногу затихала.

– Но должна вас предупредить, – её голос снова стал деловым, хотя и мягким. – Ваша семья теперь у нас на особом контроле. Мы будем проверять условия, в которых живёт девочка. Ей должен быть обеспечен должный уход.

Я снова кивнула: «Всё что угодно, лишь бы не забрали. Лишь бы оставили».

– И, Виктория... – женщина понизила голос, сделав шаг ближе. – Судя по тому, как вёл себя отец, как он был... одержим, я бы на вашем месте серьёзно задумалась о жилье. Съёмная квартира – это аргумент не в вашу пользу в суде. Если у вас есть возможность... купить хоть однокомнатную, но свою... Сделайте это. Иначе, если он решит бороться за опеку, вы окажетесь в очень уязвимом положении. Без постоянного места жительства шансы резко падают.

Я понимала её. Понимала, что сильно рискую. Страх, холодный и липкий, снова сжал мне горло. Я только что вер-

нула её и не могла снова её потерять. Не могла.

– Я поняла, – выдохнула я. – Спасибо вам. Я... я всё сделаю. Всё, что нужно.

Она кивнула, бросила последний тёплый взгляд на притихшую Машу.

– Полиция сдерживает журналистов внизу. Но они ведь не отстанут. Дверь лучше никому не открывайте, и съезжайте поскорее. Только не забудьте меня уведомить. Вот мои контакты, – она протянула визитку, погладила Машу по ручке, грустно улыбаясь ей. Попрощалась и вышла.

Я закрыла дверь и, наконец, позволила себе расслабиться. Я медленно на ватных ногах дошла до кровати, опустилась и легла на бок, прижимая дочь к себе.

Маша подняла ко мне своё заплаканное личико, потрогала мою щёку влажной ладошкой и прошептала:

– Мама...

– Я здесь, солнышко, – прошептала я в ответ, прижимая её к себе. – Мама здесь. И больше тебя не отпустит и не отдаст.

Прошло наверно полчаса, Маша уснула. Немного вздрагивая во сне, но пальчики всё так же сжимали мою кофту. Даже во сне она не могла разжать руки. Я осторожно выскользнула из кофты и оставила её рядом, подложила под щёчки. Мне не хотелось от неё отходить, не хотелось вообще выпускать из своих рук, но я понимала, что сейчас не время успокаиваться.

Ковалёва, женщина из опеки, была права – Максим сейчас спустит на меня всех собак, и даже журналисты и полиция не помогут. Поэтому мне надо было сделать, как и сказала она – предоставить Маше лучший уход.

Купить квартиру я могла бы, но не в новостройке, а какую-нибудь во вторичке. Деньги ещё остались после развода, я их особо не тратила.

И всё же мне надо было придумать, как и на что жить? Как купить квартиру и остаться на плаву?

Выход был только один, я должна была вытребовать свои деньги у дяди. Те, которые он присвоил после смерти моих родителей. Встреча с тётей Ирой мне была необходима, слишком долго я ждала этого момента.

Глава 18

Сердце заколотилось чаще, когда я взяла телефон. Звонок тёте Ире был самым правильным шагом сейчас. Да и другого выхода я не видела. Не было у меня.

Трубку взяли не сразу. Я уже собиралась положить трубку, услышав пятый громкий гудок, как на том конце, наконец, сняли.

– Алло? – голос тёти Иры прозвучал приглушённо и настороженно, будто она говорила, прикрыв рот рукой.

– Тётя Ира, это Вика.

В трубке повисла тяжёлая пауза. Я почти физически ощутила, как по ту сторону провода нарастает напряжение.

– Нам нужно встретиться, – сказала я, стараясь говорить как можно твёрже. Интуиция подсказывала, что просьбы и мольбы вряд ли сработают, а вот уверенный тон сработает лучше.

– Я... я не знаю, Виктория, – она замялась, и в её голосе послышался знакомая неуверенность и страх. – Сейчас не самое подходящее время. Николай...

– Это единственное время, – я прервала её. – Иначе вы упустите последний шанс стать свободной.

Я снова сделала паузу, давая ей осознать это. Потом чётко произнесла:

– Кафе «У озера», на выезде из города. Через два часа.

– Через час, – после паузы ответила она. – Николай сегодня у друга в гостях, могу приехать ненадолго.

– Хорошо. Договорились. Я буду ждать.

Тяжёлый, сдавленный вздох просигнализировал о её капитуляции. Потом тихий щелчок. Я опустила телефон, ладони были влажными. Итак, уговорить её получилось, теперь самое главное было продолжать играть роль уверенной женщины, которое точно знает, что дальше делать.

Собралась я быстро. Аккуратно, чтобы не разбудить, переложила Машу в слинг-переноску. Её тёплое, расслабленное тельце прижалось к моей груди, и это придавало сил. Я не решалась оставить её снова одну с няней.

Я накинула тёмное, неброское пальто с капюшоном, натянула его поглубже на лоб. Я выскользнула из подъезда вслед за соседом, который очень удачно прикрыл нас собой, чтобы избежать назойливых вопросов журналистов, которые, как я и предполагала, всё ещё дежурили у парадного входа, надеясь на продолжение скандала.

Кафе «У озера» встретило нас гулкой пустотой. Запах старого кофе и влажной ветоши. Я выбрала столик в самом дальнем углу, с хорошим обзором на оба выхода. Устроила переноску с дочерью на диване рядом с собой. Маша посапывала, её пухлые щёчки розовели от тепла.

Тётя Ира пришла с опозданием в десять минут. Она была всё той же – маленькой, серой мышкой, которая постоян-

но оглядывалась. Увидев меня, она нерешительно пересекла зал и уже собиралась опуститься на стул, как вдруг её взгляд упал на переноску. На тёмные ресницы Маши, лежащие на щёчках, на её сжатые в крошечные кулачки пальцы.

Тётя Ира замерла. Буквально остоленела. Её лицо, обычно застывшее в маске вечной усталости, исказилось быстро сменяющейся гаммой чувств: изумление, растерянность, умиление.

– У тебя... ребёнок? – её шёпот был таким тихим, что я скорее прочитала его по губам.

Я не стала ничего отрицать. Не видела смысла.

– Да. Дочь. Маша. А что? – я специально сделала своё лицо невозмутимым, наблюдая за её реакцией.

Она резко, почти судорожно, отвела взгляд, замотала головой.

– Нет, ничего... Ничего... – она прогладила ладонью скатерть, пытаясь взять себя в руки. – О чём ты хотела поговорить?

Я вздохнула поглубже и, наконец, задала вопрос, который уже много месяцев сверлил мне душу.

– Что вы знаете о смерти моих родителей?

Она вся сжалась, отпрянув назад, глаза стали огромными, почти безумными.

– Зачем ты об этом спрашиваешь? – её голос сорвался. – Мы же не для этого встретились!

– Если вы не поможете мне, то и я не смогу помочь вам, – парировала я, глядя на неё не моргая. Мои слова повисли в воздухе неоспоримым ультиматумом.

Тётя Ира резко встала. Её стул с противным скрежетом отъехал назад.

– Зря я согласилась... Зря! Это безумие!

Моя рука легла поверх её ледяной, дрожащей руки, прижимая её к столу.

– А вам не надоело? – прошептала я, наклоняясь к ней ближе. – Постоянно жить в страхе? Каждый день пресмыкаться перед ним, как рабыня? Дрожать от каждого его шага? Если вы мне поможете, я сделаю всё, чтобы помочь вам освободиться от него. Навсегда. Но чтобы это сделать, я должна знать правду. Всю правду.

– Ты не знаешь его так, как я! – её шёпот стал хриплым, полным давней, выстраданной ненависти и ужаса. – Ты даже не представляешь, на что он способен! Да, он потерял часть власти, но связи... его связи повсюду! Он как... как ядовитый паук, который сидит в центре своей паутины. Ты тронешь одну ниточку, а он уже знает и плетёт новую, чтобы опутать и задушить тебя!

– Так может, нам тоже объединиться и сплести свою паутину против него? – не отступала я, вкладывая в голос всю свою веру. – Иначе это никогда не кончится. Ни для вас, ни для меня. Помогите мне... пожалуйста. Я и так знаю, что дядя убил моих родителей. Но я хочу знать подробности. Как?

Почему? И где деньги моего отца? Всё, что он у меня украл.

Тётя Ира замерла. Борьба внутри неё была почти осязаемой. Страх перед мужем боролся с годами накопленного унижения и отчаянной жадой свободы. Она медленно, будто каждое движение давалось ей с невероятным усилием, опустила обратно на стул. Её взгляд ушёл в мутное окно, за которым темнело осеннее серое небо. Она смотрела в пустоту, взвешивая все «за» и «против».

Я сделала свою последнюю, решающую ставку. Деньги – единственный язык, который все понимали.

– Послушайте, тётя Ира. Если я верну своё наследство, деньги моего отца, то готова отдать вам тридцать процентов. Тридцать процентов от всего. У вас тогда будут средства. Реальные средства, чтобы сбежать. Начать новую жизнь где-то далеко, где он никогда вас не найдёт. Вы же понимаете, что это ваш единственный шанс?

Она медленно перевела на меня взгляд. Исчезла паника, испарился страх. В её глазах, впервые за весь разговор, появился холодный, острый, хищный блеск. Блеск расчёта.

– Сорок, – тихо, но с железной, не терпящей возражений интонацией, сказала она. – Сорок процентов. И я расскажу тебе всё, что знаю.

– Сорок. Договорились.

Она глубоко вздохнула, обвела взглядом пустое кафе и начала говорить.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.